

Марсианин

Эдгар Грант

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Эдгар Грант

Марсианин

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Грант Э.

Марсианин / Э. Грант — «ЛитРес: Самиздат», 2021

Инновации, изобретения, новые технологии. Почему все достижения человечества превращаются в оружие? Наступит ли момент, когда плоды прогресса будут служить не разрушению, а созиданию. Что надо сделать, чтобы поставить человеческий гений на службу цивилизации. Возможно ли такое вообще? Однозначного ответа пока нет. Авторская версия представлена в романе «Марсианин». Содержит нецензурную брань.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

59

Эдгар Грант Марсианин

США. Нью-Йорк

Массивная дубовая дверь зала заседаний комиссии приоткрылась, и в проеме показался невысокий улыбчивый мужчина с немного детским выражением лица. Ожидавшие в лобби личный адвокат и глава корпоративной юридической службы тут же подскочили к нему с вопросами, но он жестом остановил их:

– Не суетитесь. Все в порядке. Детали расскажу в машине.

Он было двинулся к лестнице, ведущей вниз к центральному выходу из Нью-Йоркского офиса Министерства юстиции, но адвокат аккуратно придержал за локоть.

– Там толпа журналистов. Давай спустимся на лифте в гараж. Я водителя предупредил, чтобы ждал там.

Через пять минут небольшой кортеж из скромного, но очень хорошо бронированного электромобиля и двух похожих на машины из фантастических боевиков электровнедорожников охраны уже двигался по южной набережной Манхэттена к расположенной на 6-м пирсе Центральной вертолетной станции.

Мистер Теон Курц. Так звали мужчину, которого опекали юристы и немногочисленная, но весьма профессиональная охрана.

В свои сорок с небольшим, личностью он был действительно неординарной. Некоторые считали Курца удачливым выскочкой. Многие – сумасшедшим изобретателем, работающим на стыке хайпа и безумных футуристических идей. Еще больше людей видели в нем гениального провидца, старающегося с помощью инновационных технологий изменить человечество к лучшему. И только совсем немногие, те, что были знакомы с ним очень близко, могли различить в неброском, скромном для своего положения и славы человеке гениальное сочетание мечтательного фантазера и холодного прагматика, способного принимать жесткие и не всегда этичные решения для достижения своих целей. Но под каким бы углом ни рассматривали неоднозначную и зачастую противоречивую личность мистера Курца, на первый план всегда выходило одно бесспорное обстоятельство – он был звездой первой величины на деловом небосклоне США. Эта звезда зачастую определяла повестку дня бизнес-сообщества и задавала новые тренды, периодически вводя в ступор своими невероятными идеями как убежденных сединой традиционных капиталистов, так и новое поколение молодых, но от этого не менее удачливых биржевых спекулянтов, поднявшихся на дешевых деньгах, обильно выбрасываемых на рынки Федрезервом.

Может быть, поэтому Комиссия по ценным бумагам и биржам США была к Теону более чем лояльна при разбирательстве дела о манипуляции котировками акций одной из его компаний, которая сливала в сеть не всегда правдивую информацию. Такие вбросы шокировали рынки, очень нервировали брокеров и заставляли котировки большого числа высокотехнологичных компаний метаться вверх-вниз по индексам. При желании дело можно было раздуть и до уголовного производства, но SEC¹ ограничилась отстранением Курца с поста председателя совета директоров когда-то основанной им, а теперь ставшей публичной компании по производству электромобилей и оштрафовала на 20 миллионов долларов. При этом он все же остался ее генеральным директором. Такое решение было несомненным успехом, пожалуй, лучшей в Штатах команды лоббистов, юристов и пиарщиков, до конца отработавших каждый вложенный в них цент.

¹ *Securities and Exchange Commission – Комиссия по ценным бумагам и биржам США.*

Деньги Теона не интересовали. Совсем. Наиболее смелые журналисты приписывали именно ему создание протокола блокчейн и запуска биткойна, а также десятка других популярных криптовалют. Они с придыханием и откровенной завистью прикидывали, сколько крипты сейчас может быть на его тайных кошельках. При теперешних ценах получалось много. Очень много. Но даже, если отбросить догадки про биткойн, находящийся в серой зоне с точки зрения налогов, год назад состояние Курца оценивалось на уровне ста миллиардов долларов, и он стабильно входил в топ-лист самых богатых людей на планете. А в последнее время его фантастические проекты и безудержная харизма, просто зачаровавшая миллениалов² и зуммеров³, вообще разогнали акции его компаний до небес, увеличив личное состояние до 185 миллиардов и сделав самым богатым человеком на планете. С тех пор он стабильно входил в топ-тройку глобальных богачей, то занимая первое место, то опускаясь на одну-две позиции.

Такое положение в рейтинге, конечно, тешило самолюбие, но Теон понимал, что акции его компаний – всего лишь строчка на биржевом компьютере. На самом деле ни одна из них не приносила прибыли. Более того, почти у всех были огромные операционные убытки, порой доходящие до десяти миллиардов долларов в год. Все фирмы держались лишь на его авторитете, популярности у молодежи продвигаемых им фантастических идей и невнятных обещаний некоей будущей прибыли.

Как бы то ни было, холодный прагматик внутри него подсказывал, что надо сфокусироваться на исследовании прорывных технологий вроде новых источников питания, искусственного интеллекта и нейроинтерфейсов, а из остальных дутых компаний потихоньку переводить деньги в более ликвидные и надежные активы. Чем он и группа близких по духу друзей-финансистов и занимались последнее время, скупая через подставные фирмы в развивающихся странах месторождения полезных ископаемых, сельскохозяйственные земли и перспективные предприятия, занимающиеся реальным производством.

Но было направление, которое оставалось в списке приоритетов Курца, несмотря на убыточность и риск крупных неудач.

Космос. Детская мечта, ставшая для него реальностью. Его компания Альфа Спейс была самой успешной и самой крупной из десятка частных инициатив, работающих над созданием ракет и орбитальных аппаратов. Теон, не скупясь, вкладывал в ее развитие миллиарды и добился колоссальных для частного бизнесмена успехов. После двенадцати лет упорной работы и десятков неудачных запусков он создал несколько ракет различного класса и разработал под них грузовые и пассажирские транспортные орбитальные аппараты. Такой успех был признан НАСА и Пентагоном, которые поспешили заключить с Альфа Спейс долгосрочные контракты на доставку грузов и экипажей на орбиту.

Все это было прекрасно и радовало душу Теона. Однако такой успех был лишь первым его шагом в космос. Началом долгой, дорогой и очень опасной одиссеи, в конечной точке которой находился Марс.

Да. Он страстно желал быть первым, кто запустит человека на красную планету. И не только. Курц планировал организовать вначале на орбите, а затем и на поверхности полноценную станцию, в которой могли бы жить и работать до двух десятков человек и куда он когда-нибудь смог бы прилететь сам.

Фантазия. Говорили ему друзья и партнеры. Бессмысленная блажь одного из самых богатых людей на планете, не знающего куда девать деньги. Издевалась либеральная пресса, не очень жалующая его из-за слишком консервативных взглядов. Прогоришь. Обанкротишься. Предупреждали финансисты. Но Курц по крупницам собирал по всему миру технологии и спе-

² Поколение, родившееся с 1980 по 2000 год.

³ Они же «Поколение Z» – поколение, родившееся после 2000 года.

циалистов и крохотными шажками, медленно, но упорно продвигался к своей мечте, пытаюсь найти способы преодолеть крупные и мелкие препятствия на этом трудном пути.

Мелких было много. Разбирательство в Комиссии по ценным бумагам как раз относилось к их числу. На первый взгляд, всего лишь небольшой раздражитель. 20 миллионов не велика потеря, когда у тебя почти 200 миллиардов. Но Теон чувствовал, что его успех многим в Вашингтоне не дает спать спокойно. Может, потому, что он не принял ультралиберальную повестку и пристегнутую к ней новую мораль, разрушающую ценности, на которых выросла человеческая цивилизация. Может, потому, что не встал перед черными на колени, потому, что не гей и запретил детям ходить на уроки, где чокнутые фрики учат однополю любви и рассказывают, как правильно выбирать свой гендер. А может, потому, что был прямым конкурентом НАСА. Хотя нет. Это – в последнюю очередь.

У американского космического агентства был несопоставимый с ним бюджет, вполне соответствующий лучшей в мире научной высокотехнологичной корпорации. Да и его Альфа Спейс всего лишь временно затыкала возникшую после списания шаттлов дыру в доставке на орбиту грузов и астронавтов. Через год-два у космического агентства будет готово новое поколение космических челноков – и тогда потребность в его носителях отпадет. А может и нет. вполне возможно, ему удастся конкурировать по цене. Ведь его носители использовали многоразовые приземляемые разгонные ступени.

Нет. В нарастающем на него давлении НАСА винить было нельзя. Оставался Пентагон – капризный и грубый заказчик.

Вот генералы давили так давили. Открыто. Не стесняясь. Пока не добились своих условий и не включили в проект орбитальных запусков свои фирмы-прокладки, через которые получали откаты. Курц хорошо помнил, как вояки сорвали два его старта, запустив над комплексом дроны с какой-то заумной аппаратурой, нарушающей работу электроники. От такого вмешательства одна ракета тогда взорвалась к радости журналистов и печали страховщиков. Но все же он сомневался, что прессинг был организован военными. Не их стиль. Те бы действовали прямо. Так, мол, и так. Хотим вот этого и этого. Иначе будет вот это и это.

Один из приятелей, успешный и очень дорогой столичный пиарщик, как-то за бокалом вина предположил, что вашингтонское болото видит в Теоне конкурента. Пока не политического, а только медийного. Уж очень выгодно смотрится суперуспешный, неординарный, экстравагантный молодой бизнесмен, фонтанирующий футуристическими идеями, на фоне дряхлого, бесцветного, недалекого президента и его туповатой команды породистых функционеров, медленно, но верно ведущих Америку к пропасти.

И действительно, по упоминаниям в СМИ Курц в разы превосходил хозяина Белого дома и всю его администрацию вместе взятых. И пусть те были на первых полосах в официальных сводках. Зато он доминировал в деловых, светских и научных разделах изданий. По мнению пиарщика, Теон, несмотря на противоречивость и экстравагантность, был знаковой и весьма популярной фигурой американской жизни. А среди молодежи так и вообще настоящей иконой. Если бы он вдруг решил баллотироваться в президенты, то при правильно выстроенной кампании почти гарантированно сорвал бы беспспорное большинство, даже вопреки противодействию глубинного государства. Что было бы потом – большой вопрос, но войти в Белый дом шансы были очень неплохие.

Но Теон не хотел в Белый дом. Он хотел на Марс.

Причем время уже поджимало. Альфа Спейс была основана двадцать лет назад. Понадобилось шесть лет и огромные деньги, чтобы произвести первый успешный старт. Неудачный, но знаковый для Теона и его команды. Именно тогда они поняли, что смогут. Сейчас у него в серии было три рабочих носителя разной мощности. Несколько грузовых модулей и собственный корабль для доставки на орбиту астронавтов. А еще почти готовая концепция космического корабля для полета на Марс, подкреплённая расчетами и чертежами.

Чтобы все это воплотить в металл, нужно лет десять и одно критически важное технологическое решение. Ему скоро пятьдесят. Время неумолимо отсчитывает годы. Не успеешь оглянуться, и твой возраст уже не позволит тебе участвовать в дальнем полете. Поэтому шевелиться надо было активнее. Значительно активнее, чем сейчас. Но для реального запуска проекта, кроме чертежей, расчетов и недостающей технологии, необходимо было преодолеть еще одно главное препятствие. Деньги. Для организации экспедиции на Марс ему нужна огромная куча реальных денег. Гораздо большая, чем была в его распоряжении сейчас.

По самым скромным прикидкам, полет на красную планету с высадкой человека на поверхность и возвращением на Землю обойдется в 400-600 миллиардов долларов. Это была колоссальная сумма. Фактически несобираемая. Особенно учитывая тот факт, что деньги попросту вылетали в трубу и никакой отдачи от них не предполагалось. Если технические задачи полета теоретически можно было решить, то вопрос финансирования оставался непреодолимым препятствием. Единственным, кто мог здесь помочь, был Федрезерв США, который триллионами печатал доллары для поддержания дряхлеющей экономики. Но у того были другие приоритеты вроде военного бюджета, спасения системообразующих банков и поддержания глобального авторитета доллара.

Как подступиться к этой проблеме, Курц не знал, и этот факт последнее время не давал ему покоя.

Когда небольшой кортеж Теона уже въехал на 6-й пирс, где была расположена вертолетная площадка, из НАСА пришло сообщение в закрытый личный чат. На связи был замдиректора Центра космических полетов Маршала, основной научно-технической лаборатории агентства по разработке двигателей для космических аппаратов. Они давно знали друг друга и поддерживали приятельские отношения, что позволяло насовцу за достойную плату делиться с Альфа Спейс своими новыми разработками.

«Теон...», – начал замдиректора и многозначительно умолк.

«Что»? – написал Курц, чувствуя, что сейчас ему расскажут нечто важное.

«Русские сделали это», – отписался насовец.

«Иди ты!»

«Точно говорю. Инфа от разведки. Из Лэнгли. Только получили».

«Это пипец! Как?»

«Деталей нет. Придут в докладе».

«Друг! Проси все, что угодно, но мне нужен максимум деталей. Если у них получилось, то это, нахрен, меняет весь расклад».

«Сделаю, что смогу. До вечера».

– Твою мать! – вслух выругался Курц, свернув чат.

– Плохие новости? – спросил сидящий рядом юрист.

– Даже не знаю, – он быстро набрал помощнику сообщение на смарте, чтобы тот вызвал в офис Акосту – шефа службы безопасности Альфа Спейс.

Это была одна из ключевых служб Теона, укомплектованная опытными профессионалами и выполнявшая в корпорации, кроме функции безопасности, еще и роль внешней разведки. Люди Акосты добывали технологические секреты, вербовали агентуру и даже проводили полноценные подрывные спецоперации против конкурентов и тех, кто мешал работе компаний Курца или угрожал ее сотрудникам. В общем, это была полноценная спецслужба, работающая на очень высоком уровне, и сейчас ей предстояло выполнить одно из самых сложных заданий.

Необходимо было выяснить дела прорыва, который совершили русские, и постараться добыть максимум технической информации.

Россия. Москва

Научный совет был на удивление коротким. Три академика РАН, слетевшиеся на него по поводу удачного испытания прототипа, давали понять, что без их поддержки у Михаила Когана ничего бы не вышло, важно надували щеки и для приличия задавали вопросы, ответы на которые были и так очевидны. В конце концов им пришлось перебороть свою зависть и все же отдать должное работе, проделанной его лабораторией. Признание успеха было полным и безоговорочным. Совершенный молодым ученым прорыв тянул на медаль Ломоносова, госпремию, а если рабочие образцы будут соответствовать заявленным параметрам в полевых условиях, то и на звезду Героя России. Но над этой вожденной бочкой золотистого, ароматного и до одури вкусного меда с противным жужжанием роилась стайка назойливых мух в виде тех самых академиков, готовых в любой момент сбросить в нее ложку вонючего черного дегтя, если ее хозяин не захочет делиться славой и признанием.

Как повелось в большой науке еще со времен СССР, к открытию гениального ученого примазалась кучка престарелых функционеров из «вышестоящей организации», которые не имели к теме совсем или почти совсем никакого отношения. Не дожидаясь формального подтверждения из лаборатории, они уже успели отправить в Кремль восторженные отчеты о «величайшем прорыве», совершенном под их мудрым руководством. Причем каждый написал свою бумагу в надежде на единоличное присвоение успеха.

Вся эта мышьяная возня была Когану не в новинку. Но на этот раз, когда он и его люди действительно сделали что-то большое, грязные игры вокруг его проекта не просто раздражали. Они бесили. Причем, судя по хмурому виду директора института, это было хорошо заметно.

После научного совета он пригласил Михаила в кабинет и, налив ему стакан воды, сказал:

– На вот выпей. Может валерьянки еще? Ты чего закипел? Того и гляди крышку сорвет.

– Как чего! Как чего! – всплеснул руками тот и сделал несколько жадных глотков. – Прототип – моя заслуга. Ну в смысле моей лаборатории и нашего института. Эти старые пердуны из РАН не имеют на него никакого права. Вообще!

– Остынь, – чуть повысил голос директор. – Над этой темой еще при Советах работали. У тебя задел исследований почти в 50 лет был. Тоже мне гений, блин, одиночка.

– Таки гений! За эти 50 лет никто не смог решить проблему с охлаждением. А я смог. А без системы охлаждения все наработки не стоят и выеденного яйца. Концепция моя. Расчеты мои. Дизайн прототипа мой. Мои люди его собрали и испытали. Поэтому прототип тоже мой. Понимаешь, мой! Мы, блин, ночей не спали. Пахали как двужильные. И пох те семьи, и пох та пандемия. У меня люди в больничках под кислородом расчеты делали. Да ты и сам все знаешь...

– Не буду с тобой сейчас спорить, Миш. Ты действительно совершил прорыв. Без твоих мозгов мы в этом дерьме хрен знает сколько бы еще ковырялись. Но давай подойдем к ситуации трезво. А выглядит она сейчас так. Ты гений и получишь за свою гениальность все плюшки, которые за нее причитаются: и премии, и медали, и все такое. Твоих людей я тоже в обиду не дам. А то, что академики президенту письма строчат, так наплюй. Он человек умный, проныцательный. Разберется, кто здесь виновник торжества. Я ему еще через Минобороны и Роскосмос нужную информацию передам. Думаю, зря ты паришься. Заслуги твои будут оценены по достоинству.

– Ну почему все так? – обреченно вздохнул Коган и, откинувшись на спинку кресла, сделал еще глоток воды. – Почему мы должны кому-то доказывать очевидные вещи. Через военных. Через Роскосмос. Ну почему так?

– По кочану, – отмахнулся директор. – И не смотри на меня глазами обиженного щеночка, а то я сейчас расплачусь.

– Да ну тебя, – надулся ученый.

– Это тебя да ну. Ты вот что. Кончай тут сопли распускать. Прототип ты закончил. Испытания прошли на ура. Сейчас, пока заказчики будут чесать репу что да как, да пока до крем-

левских дойдет, что ты тут намутил, будет затишье пару недель. Возьми Яночку и махните куда-нибудь отдохнуть. На море. Креветок поесть, устриц. Крабов всяких. Плечи на солнце погреть. Обстановку сменишь. Остынешь. Разрешение на выезд я тебе согласую.

– Куда сейчас махнешь? Кругом все закрыто из-за ковида. В Европе третья волна. В Турции пик инфекций.

– Египет вроде открыт. Мне вот из турагентства брошюрку прислали. Там еще Таиланд есть. Чистые отели на островах. Все сотрудники вакцинированы с антителами, принимают туристов тоже только с антителами. Вы как раз с Яночкой привиты. И чартеры прямые есть из Москвы. Видит бог, сам бы слетал. Но отпуск уже выбрал.

– Избавиться от меня хочешь? – хитро прищурился Коган.

– Да ни за что! Мы ведь друзья, – расплылся в улыбке директор. – Отдых ты заслужил. Пока тут пауза, расслабишься, нервы успокоишь. А я в твоё отсутствие поляны в академии, у вояк и космонавтов вытопчу. Чтобы к твоему приезду все готово было.

– Ладно, – ученый хлопнул по столу ладонью. – Раз выгоняешь, вечером с Яной поговорю. Завтра дам знать.

После разговора настроение у Когана немного улучшилось. Возня академиков вокруг его прототипа уже не казалась такой обидной. Может, он действительно все сам себе надумал, накрутил себя почти до нервного срыва. Может, все действительно идет как надо и по результату все получают то, что заслужили. Но в конце рабочего дня ему позвонил полковник из ФПИ⁴, курировавший его проект от Минобороны, и поздравил с тем, что академики решили выставить макет прототипа на МАКСе⁵.

«Да они совсем охренели! Это ж секретная разработка», – только и смог ответить Коган.

«Согласен, – поддержал его военный. – Но, похоже, вопрос уже решен с начальством. Там тоже хотят блеснуть перед иностранцами прорывными технологиями».

После этой новости настроение ученого окончательно испортилось.

Вечером Миша заехал на работу за Яной и предложил сходить куда-нибудь поужинать. Они познакомились больше года назад. Как-то быстро сошлись и уже месяцев восемь жили вместе в просторной съемной квартире в центре, а свои на районе сдавали, чтобы покрыть часть расходов. Несмотря на образование и статус довольно успешной бизнесвумен, Яна была девушкой без заморочек и дешевых понтов, которые обычно приходят с первыми серьезными деньгами. В физике она разбиралась на уровне школьного середнячка. То есть не разбиралась совсем. С вопросами по работе не приставала, а когда он сам начинал блистать своей гениальностью, томно закатывала глаза и лезла целоваться, чтобы перевести общение в более понятное и приятное ей русло. Из увлечений у нее был только небольшой, но быстро растущий на фоне ковидных ограничений бизнес – интернет-магазин подарков. Дела в последние пару лет шли в гору, так что пришлось расширяться и нанимать людей. Когда количество сотрудников перевалило за три десятка, Яна взяла директора, а сама на правах владельца перешла к осуществлению надзора за бизнесом и изъятию прибыли. Впрочем, из-за легкости характера, постоянного позитива и надежного костяка из старых сотрудников дела не очень напрягали подругу и не портили парочке настроение.

Мише с Яной было легко и комфортно. Настолько, что он даже начал подумывать, не поменять ли им статус отношений с гражданских на вполне официальные. Вот и сейчас она выпорхнула из офиса, как девчонка, поскакала по ступенькам и, забравшись в машину, смачно поцеловала его в щеку на зависть скучным клеркам, кучкующимся у входа.

– Так у нас сегодня романтический ужин? Ура-а-а! Шампанское. Свечи. Устрицы. А давай потом завалимся в клуб. Ну давай-ай.

⁴ Фонд перспективных исследований Минобороны РФ.

⁵ Международный авиакосмический салон. Проводится под Москвой в Жуковском.

– Если честно, мне сегодня хочется конкретно выпить, – сдержав улыбку от такого напора позитива, пробурчал Коган.

– Да? Это из-за ученого совета? Все так плохо? И мой счастливый галстук не помог? А ты наплюй на них. Я же знаю, что ты у меня самый умный.

– Я еще толком не разобрался. Вроде все прошло нормально. Но эти старые пердуны из академии наук хотят присвоить мою заслуженную славу, – он не раскрывал подруге детали своей работы. Сказал только, что физик, конструктор и занимается исследованием фундаментальных проблем, способных вылиться в новые технологии. – Нервов на них уже не хватает. Так что мне срочно надо выпить.

– Ну... – она закатила глаза. – Романтический вечер под крепкий алкоголь тоже неплохой вариант. Куда поедем?

Они пристроились в просторном чешском пивном ресторане, заказали кучу вкусной еды, пива и немного водки. После нескольких рюмок Мишу отпустило, и парочка проболтала ни о чем, пока не принесли чай с десертом.

– А ты не думала свалить куда-нибудь? – вдруг спросил Коган.

– Типа уехать из страны?

– Ну да. Навсегда. На ПМЖ. В Америку, Канаду или там в Европу.

– Да мне и тут неплохо, – пожала плечами Яна. – Бизнес прет. Не жирую, но на безбедную жизнь хватает. Все здесь есть. Хочешь шмотки, хочешь еда, хочешь вот рестораны на любой вкус. А свободы у нас сейчас побольше будет, чем на Западе. Там теперь нормальным людям жить не дают.

– Это ты кремлевских пропагандистов наслушалась.

– Может и так, – она посмотрела ему в глаза. – Ты серьезно про свалить? Это из-за научного совета?

– Не только, – он вздохнул и нежно сжал ее руку в своей ладони. – Понимаешь. Здесь мой талант не ценят.

– А-а... Типа непонятый гений, – немного грустно улыбнулась она. – Ты что, такой охрененный физик, что тебя там примут с распростертыми объятиями?

– Именно охрененный, – вполне серьезно ответил Коган. – Тесно мне здесь. Лаборатория уже ненювая. Бюджеты скромные. К тому же тут я получаю копейки по сравнению с тем, что могу иметь там. Любой приличный универ в Штатах или серьезная корпорация платили бы мне миллионы.

– Так уж и миллионы.

– Да. И машина, и дом, и уважуха, и авторитет. Ты бы тоже была при деле. Английский знаешь. Бизнесом своим здесь могла бы управлять дистанционно.

– Не знаю, – Яна подняла глаза к потолку. – Это слишком серьезный шаг, чтобы так вот взять и решиться. И тебе тоже скажу. Прежде чем дергаться, почву там надо прощупать. Какие предложения реальные есть, какие условия. Может ты и не нужен никому. А шило на мыло менять совсем не айс⁶.

– Может и не нужен, – грустно вздохнул ученый. – Может мое место действительно здесь.

– Ты вот что... Давай не будем торопиться. Никто тебя в спину не толкает. Если проблемы по работе какие, так они у всех есть. Ты расслабься, остынь, обдумай все еще раз. А то сразу на ПМЖ, с концами. Можно ведь просто поехать поработать пару лет, если ты востребован и тебя конкретно пригласят. Тут я полностью за. И опыт, и авторитет, и докторскую степень там подтвердишь. И, если что, всегда вернуться можно. Я бы и сама с тобой прокатилась.

– Вот ты у меня рассудительная, – он поднял бокал коньяка и чокнулся с ее коктейлем. – Насчет расслабиться ты, пожалуй, права. Мне тут могут пару недель дать. Давай махнем в Таи-

⁶ «Не нравится», «плохо» на молодежном жаргоне.

ланд. Директору кремлевское спецпредложение прислали, а он отпуск выбрал, так решил мне отдать. Там чистые отели есть. Без ковида. Все с антителами. Отдохнем. Погреемся. Фрукты всякие. Лобстеры. Массаж.

– Круто! Я обеими руками за. С этой пандемией уже забыла, когда была на море, – она через трубочку допила коктейль и, бросив из-под приспущенных бровей томный взгляд, эротично облизала губы. – Ты знаешь... В клуб мы сегодня не пойдём. Поехали домой, обсудим планы на отдых. В постели.

К таким неожиданным приливам страсти Миша привык уже давно и был рад тому, что Яна сама их не стеснялась. Поэтому парочка, предусмотрительно оставив машину на стоянке, вызвала такси и через полчаса у себя дома на огромной двуспальной кровати уже всю занималась обсуждением деталей поездки в Таиланд.

США. Техас. Ракетный полигон МакГрегор

Огневые испытания нового двигателя для тяжелой ракеты Альфа-Хеви прошли удачно. По энергонасыщенности, тяге и устойчивости в режиме перегрузок он уверенно вышел на расчетные параметры. Правда, заявленной инженерами экономии топлива достичь не удалось. Это несколько омрачало общее удовлетворение от испытаний. В космосе важен каждый грамм. Чем меньше расхода при выходе на орбиту, тем больше полезная нагрузка. А уж если говорить о полете на Марс, так тут вообще топливо являлось ключевым фактором.

Поблагодарив инженеров, собравшихся в бункере рядом с испытательным стендом, Теон перебрался в машину и уже через пять минут был в офисе управления. Полигон МакГрегор располагался в центральной части Техаса, километрах в ста на юго-запад от Денвера. Альфа Спейс приобрела эту территорию 17 лет назад у военных, которые раньше испытывали здесь двигатели для баллистических ракет. Теперь на 1600 гектарах расположились два десятка стендов для тестирования двигателей разной мощности. Здесь же размещался и производственный цех для обслуживания разгонных ступеней многократного использования. Офисный блок находился в восточной части полигона рядом с парком, примыкавшим к коттеджной застройке для сотрудников.

Оказавшись в прохладном, кондиционированном помещении после пекла разогретых июньским солнцем бетонных тестовых площадок, Теон расстегнул пуговицы на вороте рубахи и, плюхнувшись в кресло, подтянул к себе банку с колой. Его взгляд упал на висящую на стене схему космического корабля для полета на Марс. 80% его полезной нагрузки занимали баки с топливом, окислителем и двигатели. Они располагались в четырех последовательно соединенных секциях. Две для того, чтобы долететь до красной планеты, одна для полета обратно к Земле и одна запасная для непредвиденных маневров, требующих расхода топлива. В носу корабля, как и полагается, находились модули управления, а также жилой, научный и аварийный. Кроме того, обитаемая часть была сконструирована так, что представляла собой полноценный корабль с собственным двигателем и запасом топлива. Отдельные силовая и маневровая установки были и у каждой из разгонных секций. Вся эта конструкция должна была собираться на орбите из готовых модулей, доставляемых с поверхности Земли тяжелой ракетой Альфа-Хеви. Именно ее модифицированный двигатель сейчас и проходил огневые испытания на одном из стендов.

Преимущество такой довольно сложной конструкции из четырех разгонных секций было в том, что каждая из них, помимо маршевого, была оснащена еще и маневровым двигателем. После отработки она отсоединялась от корабля и возвращалась на орбиту Земли для обслуживания и повторного использования. Конструкторы утверждали, что двигатели могут выдержать до пяти подобных циклов. Экономия средств была колоссальная. Многократные секции позволяли создать на орбите Марса полноценную станцию, на которой может быть собран полногабаритный аппарат для спуска на планету и возвращения на орбиту.

Проект был действительно фантастический, потому что предполагал переброску на орбиту Земли и затем и Марса нескольких тысяч тонн полезного груза, уже не говоря о полусотне астронавтов для сборки орбитальной станции. Из-за колоссального объема денег, материалов, а главное, топлива, Теону порой казалось, что полет вообще неосуществим. Но он, невзирая на сомнения, продолжал двигаться к своей мечте. Предварительная техническая подготовка была почти закончена. Теперь осталось найти полтриллиона долларов на полет. Тогда через десять лет он отправит человека на Марс. А если удастся перехватить новую технологию русских, то и раньше. Намного раньше. И корабль будет совершенно другой.

Он посмотрел на часы и набрал по видеосвязи Майка Акосту, шефа службы безопасности, работающей на конгломерат корпораций Теона.

– Что в Москве? – коротко спросил он.

– Информация подтвердилась, – ответил тот. – Странно, но русские не делают из своего открытия секрета. Даже хотят выставить макет прототипа на авиасалоне. Тему ведет Научно-исследовательский и конструкторский институт энерготехники имени Доллежала. Главное подразделение находится в Москве. Объект режимный, но секретность ниже среднего. Дыр для сбора информации полно. Хотя для их разработки надо время.

– Сколько?

– Пару месяцев.

– Я не могу столько ждать. У меня через две недели встреча с арабскими инвесторами в Эмиратах. Чтобы был серьезный козырь в разговоре с ними, мне нужна конкретика по России: материалы, чертежи, техописания концепций, отчеты об испытаниях. Кусками или целиком – неважно. Мои инженеры все додумают сами. Плати любые деньги. Хоть с потрохами всех купи, но достань мне документацию.

– Если ломанемся напрямую, то спалимся сразу. Тогда институт под колпак возьмет ФСБ и все. Никакого шанса на успех не останется. Я понимаю, что время поджимает, но надо действовать осторожно. Мы уже знаем, кто директор, кто ведущий ученый по теме. Есть еще пара интересных фигур – конструкторы, инженеры-разработчики. Через несколько дней мы сможем на них аккуратно выйти и прощупать возможность перехвата технологии.

– Действуй. К поездке в Дубай мне нужен результат. Если подпишешь кого-нибудь из ключевых ученых, проблема вообще решится сама собой. Это будет идеальный вариант. И денег не жалея. Отвали им крипты так, чтоб слюни до пола. Чтоб радуга в глазах.

– Сделаем. Дай только пару дней.

После разговора Теон еще некоторое время в раздумье смотрел на схему космического корабля. Эх... Если бы удалось перехватить технологию русских. Это бы изменило весь проект до неузнаваемости.

Вечером Акоста отзвонился снова. Его контакты в АНБ поставили несколько ключевых ученых русского института на цифровой контроль и выяснили, что руководитель темы с подругой забронировал авиабилет в Таиланд. Вылет через два дня. Детали тура тоже известны – 12 дней, дорогой отель на Пхукете.

Это была несомненная удача. Правда, было непонятно, как ученого и конструктора такого уровня, носителя секретных технологий вообще могли выпустить за рубеж. Но, судя по всему, русские относились к теме довольно расслабленно и, несмотря на очевидно прорывной характер, не считали ее чем-то грандиозным. Теперь надо было тонко обыграть представившуюся возможность, и у Теона постепенно рождалось понимание, как это можно сделать.

Таиланд. Пхукет

Отель действительно был шикарным. Таиланд вообще славится своим пятизвездочным обслуживанием, но это место превзошло все ожидания. И расположение на краю живописной пальмовой рощи чуть в стороне от небольшого городка на песчаном берегу лагуны. И атмосфера почти аутентичной Азии. И вышколенный, услужливый персонал, готовый испол-

нить любую прихоть гостей. Роскошный просторный номер. Большая территория, собственный пляж, три бассейна. Даже поле для гольфа на 8 лунок. А кухня вообще выше всяких похвал. Но дорого. За свою зарплату даже после последнего «президентского» повышения и щедрую премию, выписанную директором за испытания прототипа, Миша Коган никогда бы такое не потянул. Хорошо, что рядом была бизнесвумен Яночка, для которой такая сумма была вполне подъемной.

Учитывая их почти семейную жизнь, она сразу согласилась покрыть все расходы, причем сделала это так тактично, что молодой ученый не раздумывая потратился на огромную охапку роз, дорожный авторский торт и бутылку коллекционного шампанского, чтобы отметить предстоящую поездку. Этот гусарский жест привел подругу в полный восторг, причем до такой степени, что после бокала шампанского до торта дело так и не дошло, и Миша оказался в ее жарких объятиях прямо на полу у сервированного под романтический десерт журнального столика.

После заселения парочка потратила день, чтобы освоиться с отелем и разобраться что где. На второй они до полудня провалялись под тонким навесом у бассейна, наслаждаясь покоем, нежным бризом с моря и ненавязчивой релаксирующей музыкой. Потом, когда жара достигла пика, пошли в спа-салон, где тайские мастерицы почти полтора часа мяли и крутили их, приводя в тонус испорченные современной городской жизнью тела. После этого – легкий обед на террасе с видом на море и сиеста. А вечером – на пляж понаблюдать за тропическим закатом.

Реально королевский отдых. На фоне этой идиллии московские проблемы, заботы и тревоги начали казаться Мише чем-то далеким и почти чужим. Хотелось думать, что теперь вся жизнь будет такой – роскошной, беззаботной и полной наслаждений.

На третий день вечером они взяли местный тук-тук⁷ и поехали в находящийся в паре километров городок. Потолкались по торговой улице, купили пару сувениров и национальных цветастых тряпок. Потом поужинали в местном ресторанчике и вернулись в отель. Прогулялись по пляжу. Устроившись на удобных шезлонгах в бич-баре, потягивая экзотические коктейли, понаблюдали за поражающим непривычными красками тропическим закатом. Потом перешли в бар в основном корпусе. Там проходило фольклорное шоу, на которое Миша еще утром забронировал столик.

Представление закончилось около одиннадцати. К этому времени пресыщенная коктейлями и тропической экзотикой Яночка уже стала прижиматься чуть более откровенно, чем предполагали приличия. Видя, что дело идет к постели, Миша собирался позвать официанта, чтобы расписаться на чеке и пройтись по пляжу перед сном. В этот момент в баре возникло странное оживление. Персонал засуетился, забегал. Появился администратор отеля с двумя охранниками, потом несколько полицейских и какой-то важного вида местный мужичок в форме. Они что-то лопотали по-своему, кому-то постоянно звонили. Наконец все притихли, и в бар вошли четыре спортивного вида парня, европейца, в легких парусиновых брюках и таких же коротких куртках. Они, деловито осмотрев притихшую публику, разделились и заняли позиции в разных концах бара. Миша почему-то сразу подумал, что это телохранители. Он не ошибся. Через несколько секунд в проходе показался невысокий молодой человек в сопровождении солидного европейца в строгом костюме и того самого тайца, одетого в форму с кучей звездочек на погонах. Важный гость вежливо, по-тайски сложив ладони лодочкой, поклонился выстроившемуся в шеренгу персоналу, что-то сказал администратору, и те разошлись по своим делам.

– Блин. Это ж Теон Курц, – узнала посетителя Яночка. – Тот, у которого частная космическая компания, электромобили и еще всякая технологическая хрень. Фигасе! В нашем баре.

⁷ *Трехколесная моторишка, используемая в Таиланде в качестве бюджетного такси.*

– Фигасе... – повторил Коган, наблюдая, как самый богатый человек в мире направляется в их сторону.

Его удивлению не было предела, когда Теон подошел к столику и, чуть поклонившись, спросил:

– Мистер Коган... Мадам... Я могу к вам присоединиться на пару минут? У меня есть одно очень привлекательное предложение.

– Фигасе... – икнув от волнения и избытка алкоголя, проговорила Яночка и, не обращая внимания на неожиданного гостя, удивленно посмотрела на Мишу. – Ты знаешь Теона?

– Я? – Миша некоторое время смотрел на Курца, потом перевел взгляд на подругу. – Я? Да ну. Это какой-то розыгрыш. Сейчас появится камера, кто-то выскочит из-за бара и заорет: «Ха-Ха! Эти лохи повелись на дешевый развод!».

– Я, к сожалению, не знаю русский. Но понимаю, что вы несколько шокированы моим появлением, – добродушно улыбнувшись, сказал Курц и, не дожидаясь разрешения, уселся к ним за столик. – Чтобы убедить вас, что я это я, здесь присутствует представитель американского посольства в Таиланде и шеф полиции Пхукета. Мне их позвать? Они могут подтвердить мою личность.

– Шеф полиции? Нет, не надо, – нервно сглотнул Миша и тут же добавил: – Я и так вижу, что вы это вы. Скорее всего.

– Ну и славно. Раз я это я, то, чтобы окончательно не портить вам вечер и не шокировать гостей, давайте перейдем к предмету нашего разговора, – Теон отвел руку в сторону, и, подошедший сзади, помощник вложил в нее пластиковый конверт формата А4, на котором красовалась эмблема компании Альфа Спейс. – Мистер Коган. Я прилетел сюда для того, чтобы лично сделать вам предложение о переходе в мою компанию. Здесь, – он положил конверт на стол и похлопал по нему ладонью, – условия вашего контракта. В двух словах... Я вам предлагаю возглавить лабораторию по вашей тематике. Бюджет исследований неограничен. Выбор персонала любой. Свобода действий полная. Но есть конкретная цель: через год у меня должно быть рабочее изделие и отработанная промышленная технология для серийного производства. Я знаю, что вы сейчас начали работу над аванпроектом по заказу Роскосмоса. Я также знаю, что программа исследований растянута до 2030 года. Еще, я уверен, что при наличии достаточного финансирования все работы можно выполнить за год. Так? – Курц на секунду умолк и, видя, что ученый неуверенно пожал плечами, продолжил: – Так. Поэтому через год я буду ждать от вас результата. Для его достижения у вас будет все, в том числе топовый даже для Америки пакет. Однократная выплата в 10 миллионов долларов США в качестве подъемных и компенсации за неудобства в случае, если вы согласитесь с предложением и сейчас же из Таиланда переедете в США. Не возвращаясь в Россию. Зарплата в 5 миллионов долларов в год. Полностью оборудованная и готовая к переезду вилла в научном городке Альфа Спейс на побережье в Калифорнии с прислугой и охраной. Два автомобиля класса люкс для вас и вашей спутницы. Свободный график работы. Безлимитная медстраховка. И еще много чего. Предложение уникальное. У вас есть шанс войти в историю как конструктор, совершивший грандиозный прорыв в технологии, которая через несколько лет отправит человека на Марс.

Уже на середине монолога Миша понял, что это не розыгрыш. Что перед ним действительно сидит владелец Альфа Спейс. До него постепенно стало доходить, что сейчас происходит нечто настолько невероятное, чего он не мог себе представить даже в самых смелых мечтах. Теон Курц, великий инноватор и изобретатель, лично прилетел в Таиланд, чтобы сделать ему предложение! Да еще какое. Своя лаборатория. Открытый бюджет. Фантастическая зарплата. Невероятно! Все происходящее было просто невероятно.

Видя, что Коган завис, Теон дружелюбно улыбнулся:

– Понимаю. Мое предложение несколько неожиданно. Чтобы простимулировать принятие решения, я предлагаю вам ознакомительную поездку в США на пару дней. У меня тут

частный самолет. Махнем в Калифорнию. Я вам покажу научный центр. Расскажу о проектах. А через пару дней вернетесь сюда и продолжите отдых.

– А Яночка? – пролепетал Миша, совершенно ошарашенный происходящим.

– Яночка? – брови миллиардера поползли вверх. – Ах, Яночка. Ваша спутница. Конечно. И она с вами. Уверен, мы найдем, чем ей заняться в Калифорнии, пока вы будете в научном центре.

– А визы?

– С визами все просто. Со мной здесь человек из консульства США. У него есть несколько особых бланков. Это специальные визы госдепа в виде вкладышей в паспорт. Выдаются, когда надо экстренно впустить иностранца в США, а возможности или времени выполнить полноценную процедуру нет. Остается только вписать ваши фамилии. Так что все готово. Нужно только ваше согласие – и завтра вылет в Штаты, – Теон подвинул по столу к ученому папку с эмблемой Альфа Спейс и снова одобряюще улыбнулся. – Я буду ждать вашего ответа утром. Я остановился в этом же отеле в ВИП-резиденции. Она прямо на побережье, слева от пляжа. Утром хочу пригласить вас с очаровательной спутницей на завтрак в 10 часов, чтобы снять все вопросы, которые могут у вас возникнуть. А пока, – он поднялся и, чуть склонив голову, посмотрел в глаза ученому, – оставлю вас в спокойной обстановке обдумать мое предложение.

После того как Теон со свитой покинул бар, Яна прошептала:

– Это что такое было? – потом опасливо огляделась и добавила: – Пойдем отсюда. Видишь, как на нас народ пялится. Еще автографы у тебя просить начнут.

Они вернулись в номер, где их ждала огромная корзина экзотических фруктов со скромной запиской от директора отеля. «Другу великого инноватора и изобретателя Теона Курца от администрации с наилучшими пожеланиями.» Яна, понимающе хмыкнув, поддела острой палочкой кусочек ананаса, отправила его в рот, потом подошла к минибару и, достав бутылку колы, плюхнулась в кресло с видом человека, только что встретившего инопланетянина.

– Да-а, Мишаня. Ну ты, блин, даешь. Физик, говоришь?

– Ну не совсем физик, – Коган рассеянно посмотрел на папку Альфа Спейс, положил ее на стол и сел в кресло напротив. – Вернее, физик. А еще конструктор и инженер. Но такой, знаешь, продвинутый.

– Настолько продвинутый, блин, что сам Теон Курц, прилетел к тебе на частном самолете, чтобы предложить работу?

– Ну-у-у... – не зная, что ответить, пожал плечами он. – Выходит так.

– Ладно. Физик так физик, – она отпила колы и приложила холодную банку ко лбу. – Теперь колись, что ты там изобрел.

– Понимаешь, – Миша покусал губу и в сомнении посмотрел на подругу, – это все довольно сложно.

– А ты попытайся, – с вызовом вздернула подбородок Яна.

– Хорошо. Только не дуйся. Я сам охреневаю от того, что произошло. Иди сюда, – Коган раскрыл руки, и подруга с готовностью перебралась к нему на колени. – Понимаешь. Моя лаборатория работает над новым типом двигателя для космических аппаратов. Сейчас для полетов используются реактивные двигатели на жидком топливе. Их технология достаточно хорошо отработана. Но это уже прошлый век. Энергоотдача у них низкая, есть ограничения по скорости, но самое главное, полезная нагрузка при их использовании минимальная, потому что до 80-90% от веса ракеты занимает топливо и окислитель. Для вывода на орбиту они еще подходят, а вот для перелетов к планетам их использование неэффективно. Мы... Вернее, не мы, а еще советские ученые лет сорок назад разработали концепцию ионного двигателя, или, как его еще называют, ядерной электродвигательной установки. Это такой компактный ускоритель частиц, в котором разделены процессы ионизации вещества и ускорения. В основе двигателя

лежит компактный ядерный реактор. Он генерирует электроэнергию, которая затем превращает в плазму специальный газ, а та формирует реактивную струю и толкает аппарат вперед. Такая схема позволяет добиться очень высоких скоростей истечения рабочего тела, то есть реактивной струи. Как я сказал, этой технологии уже лет сорок. Над ней работали и в Союзе, и в Штатах. И сейчас исследования не прекращаются. Но ее практическому применению мешала одна техническая проблема. Во время работы ядерный реактор нагревается до 1200 градусов. Это выше, чем в ядерных реакторах на атомных электростанциях. При таких температурах эксплуатировать его в космосе невозможно. Так вот, мы изобрели, испытали и применили на рабочем прототипе реактора мегаваттного класса уникальную систему охлаждения, основанную на космическом генераторе капель.

– И... – Яна поудобнее устроилась у ученого на коленях и обвила его шею руками.

– И теперь возможность создания рабочей относительно дешевой ядерной электродвигательной установки стала реальной. Это значит, мы можем собрать компактный и экономичный космический буксир, который будет способен доставлять гораздо больше полезной нагрузки, скажем, на Марс, чем ракета на обычном топливе. Например. Чтобы доставить на орбиту Марса 100 тонн полезного груза, необходимо 3000 тонн химического горючего. Причем лететь он будет 250 дней. И это только в одну сторону. На обратный полет у него топлива не хватит. Сама видишь, полезная нагрузка составляет мизерную часть от общей массы корабля. Мой прототип, имея всего 100 тонн топлива, сможет доставить те же 100 тонн полезного груза на Марс всего за 40-50 дней и вернуться обратно. Чувствуешь разницу? 3000 тонн топлива на теперешних двигателях в одну сторону за 250 дней и 100 тонн топлива на моем прототипе туда и обратно за 100 дней.

– Значит, человек скоро полетит на Марс? На твоём двигателе.

– Ну как скоро. Здесь все зависит от финансирования. При теперешних бюджетах у нас, думаю, до рабочего орбитального образца пройдет лет 10-15.

– Теон сказал, что ему нужен рабочий образец через год. Это реально?

– Вполне. Может не год. Может два. Технология готова. Нарботки по ионному двигателю в Штатах есть. Если будут деньги, на них можно легко применить мою архитектуру и систему охлаждения. Все блоки можно делать параллельно. По сути, это не сложнее, чем собрать обычный ракетный двигатель. Когда все будет готово, ракетами доставить элементы буксира на орбиту и приступить к сборке первого космического буксира с ядерной электродвигательной установкой. А там... – Миша мечтательно вздохнул и поднял глаза к потолку, – там и на Марс, и на Венеру можно махнуть.

– Ах ты, мой гений, – она чмокнула его в щеку и показала на лежащую на столе папку. – Так с этим ты что делать-то будешь?

– Не знаю, – растерянно проговорил ученый.

– Не знаю... – передразнила его Яна, скорчив потешную рожицу. – Тут такой шанс. Сам Теон приехал по твою душу. Бабла предлагает немерено. В историю можно войти как человек, который отправил экспедицию на Марс. А он – не знаю.

– Блин. Стремно это все. Он ведь хочет, чтобы прямо отсюда, не заезжая домой, и сразу в Штаты. В чем? В пляжных шортах и майке?

– Конечно. А ты что думал? Типа вернешься в Москву, пойдешь к директору. Так, мол, и так, меня американцы переманить хотят. А он тебе – конечно, Мишаня, езжай. Доброго тебе пути и удачи в придачу. Нет, дорогой мой. Если ты засветишь Теона у себя в институте, тебя тут же возьмут в оборот так, что хрен из страны выедешь.

– Это точно.

– Поэтому он и хочет, чтоб ты переехал прямо отсюда. Не заезжая в Москву.

– А квартира там как? А машина? А старики?

– Ну ты, блин, даешь. Сколько твоя двушка в московском спальнике стоит со всеми потрохами?

– Тыщ двести баксов. А то и больше.

– Видишь. Машину я вообще в расчет не беру. А Теон тебе 10 лямов подъемных предлагает. Сейчас. С ходу. На, бери. Ты просто вдумайся в цифру. И про стариков не парься. Поймут. Ты потом, когда суета с ковидом пройдет, их можешь вывезти куда угодно на курорт. Или виллу им купить в Болгарии, или Черногории, или даже во Франции, или Испании и приезжать когда захочешь.

– Ты думаешь, мне в Россию уже не вернуться? – насторожился Миша.

– Не знаю. Я во всяких секретных раскладах ничего не понимаю. Может ты носитель гостайны. Расписки какие давал секретные.

– Нихрена я не давал. Так, подписал стандартный договор о неразглашении и все. Такой в любой фирме подписывают. И гостайны тут никакой нет. Академики, вон, хотят прототип на МАКСе выставить. Раструбили везде по изданиям. Концепцию засветили.

– Ну вот. Тогда не понимаю, что ты вообще паришься? Через пару лет все утрясется и, может, сможешь в Россию спокойно ездить.

– А ты как? – он плотнее прижал Яночку к себе.

– А что я. Я с тобой. Если возьмешь. Или уже прикидываешь, как бы там американочку поднять. Мулаточку, небось.

– Ну что ты. Куда ж я без тебя, – Миша поцеловал ее в губы. – Да и Теон говорил, типа, Яночку пристроим.

– Не надо меня никуда пристраивать. За 5 лямов в год твоей зарплаты я сама любого куда угодно пристрою. А контору свою в Москве вполне можно дистанционно вести. Еще и статус иностранного инвестора дадут. Так что в предложении мистера Курца я вижу одни плюсы. А ты – «не знаю», – Яна игриво щелкнула его по носу, слезла с колен и, взяв папку со стола, сунула ученому в руки. – На вот. Изучай. Пока во всем не разберешься и не подтвердишь согласие, никакого секса.

Изобразив полную потерю интереса к Мише, она повалилась на кровать и, дотянувшись до пульта, включила телик. Там на локальном канале отеля шел репортаж о внезапном визите Теона Курца, самого богатого человека на планете и великого изобретателя и инноватора.

Наутро без пяти минут десять Коган с подругой вошли в просторную гостиную ВВП-резиденции, где уже был сервирован стол, а вдоль стены, приветливо кланяясь, стояли четыре официантки в национальных одеждах. Теон появился почти сразу. В легких льняных брюках и цветастой шелковой рубашке, расслабленный, напрочь лишенный манерности и напускной важности, в прекрасном настроении, он вел себя, скорее, как старый приятель, а не человек стоимостью почти в две сотни миллиардов долларов. Они сели за стол. Неспешно позавтракали, болтая о тайской кухне, погоде, пандемии и менее значимых темах, не касающихся Альфа Спейс. Затем перешли на террасу, где был накрыт десертный стол с выбором сладостей, фруктов и напитков. Когда официанты, вежливо кланяясь, удалились, Теон сделал коктейлем приветственный жест и вопросительно посмотрел на ученого.

– Так как вы относитесь к моему предложению поработать на Альфу?

– Честно скажу, – откашлявшись, ответил тот. – Все это для меня весьма неожиданно и довольно необычно. Предложение, несомненно, очень заманчивое. Но я хотел бы уточнить некоторые моменты. Каков будет мой статус на территории США? Ведь вы настаиваете на том, чтобы я не возвращался в Россию. Значит, дома я не смогу уладить дела и буду фактически беженцем. Эмигрантом.

– Вопрос вполне закономерный. Разве он не был освещен в контракте найма? Странно, – Теон чуть нахмурился, но через секунду его лицо снова приняло беззаботное выражение. – Здесь не о чем беспокоиться. Вы получите вид на жительство в США с разрешением на работу.

Если у вас будет желание, мы можем вас включить в программу ускоренного получения гражданства. Она распространяется на иностранцев, представляющих особую ценность для США. Тогда через год вы станете полноценным американцем. Если, конечно, не совершите за это время никаких серьезных правонарушений. Такой ответ вас устраивает?

– Вполне, – кивнул Коган. – Еще вопрос. Моя спутница... Мы официально не женаты.

– Яночка? Она попадает под ту же визовую программу, что и вы. То, что вы не состоите в браке, в данном случае не имеет никакого значения.

– Вы говорили о серьезной сумме в качестве подъемных за немедленный переезд. Когда у меня будет к ней доступ?

– Если вы подпишите контракт сейчас, часть суммы сразу же может быть переведена вам в виде аванса. Остальные средства получите, как только приедете в США и откроете счет в американском банке.

– Я бы не хотел, чтобы аванс пришел в мой российский банк. Боюсь, что не смогу ими воспользоваться. А иностранных счетов у меня нет.

– Тогда могу предложить вам вариант с криптовалютой. Вы получите кошелек, на котором будет лежать оговоренная сумма. Пароли к нему сможете поменять сами, и тогда средства будут под вашим полным контролем.

– Думаю, это меня устроит, – скромно улыбнулся Миша. – У меня больше нет вопросов.

– Тогда я скажу помощнику, чтобы готовил самолет. Через пару часов мы будем уже в воздухе.

– Понимаете. Тут такое дело... – замялся Коган. – Мы бы хотели остаться здесь до конца отпуска. Это еще 9 дней. Неизвестно, когда еще удастся отдохнуть. Чувствую, свободного времени у меня будет немного, если рабочая установка нужна через год.

– Хм... – Курц снова чуть сдвинул брови и внимательно посмотрел на ученого. – Не вижу проблем. Но вы должны понимать, что после подписания контракта и получения аванса у вас будут определенные обязательства перед Альфа Спейс. Нарушать их будет совершенно не в ваших интересах.

– Ну что вы. Ни о каких нарушениях речь не идет. Мы просто хотим отдохнуть. Из-за пандемии целый год не были на море. По окончании бронирования купим билеты в США. Только скажите куда.

– Не надо никаких билетов. За день до вашего вылета я пришлю за вами частный самолет и сотрудника госдепа, чтобы помог вам пройти американскую границу.

– Спасибо, – пораженный таким великодушным жестом, проговорил Миша.

– Да не за что, – отмахнулся Теон. – А теперь пройдемте в кабинет. Там ждет юрист, человек из консульства с бланками виз и шеф полиции Пхукета. Он будет у нас вроде нотариуса и заверит наше с вами соглашение.

После того как формальности были выполнены, Теон радушно попрощался с новым сотрудником и его подружкой и, когда те ушли, вызвал следившего за всем по камерам Акосту. Первый, добровольный вариант привлечения Когана в Альфу сработал. Теперь надо было отменить второй, принудительный. Он подразумевал задержание молодого русского ученого за употребление наркотиков и получение его согласия на сотрудничество под угрозой сесть в тайскую тюрьму на 20 лет. Еще. Из-за того, что парочка решила догулять отпуск, надо было ставить группу для того, чтобы за ней присмотреть и пресечь маловероятную, но все же возможную попытку выезда из страны с авансом в 10% от полной суммы подъемных. Первое должны были обеспечить люди Акосты, которые вели наблюдение с самого приезда Миши и Яны в Таиланд. Второе можно было сделать через шефа полиции.

В общем Теон остался доволен своей поездкой и новым приобретением. Теперь у него был ключевой ученый, способный быстро создать ионный двигатель. Готовую конструкцию буксира он купит у конкурентов вместе с их компанией и конструкторами. Тогда через год,

максимум два можно будет начать сборку первого рабочего образца на орбите. А дальше... Дальше встает вопрос с финансированием.

Теперь, когда в руках была уникальная технология русских, обычный полет к Марсу Теона уже не интересовал. В его голове крутился план программы максимум – создания на орбите красной планеты полноценной обитаемой станции, на которой будет собрана ракета, способная доставить человека на планету и вернуть обратно. Впоследствии с этой станции на поверхность будут спускаться модули для обустройства там полноценной базы, где могли бы жить и работать несколько человек. Для этого нужен тяжелый космический буксир, способный одноразово доставить к Марсу полезный груз в пятьсот тонн, а затем вернуться к Земле под новую загрузку.

По сути, там, на орбите красной планеты предстояло создать конструкцию в два раза крупнее МКС, а значит, и стоящую в два раза больше, на уровне 300 миллиардов долларов. База на поверхности обойдется миллиардов в 100 плюс 10-20 ежегодно на эксплуатацию. Строительство буксира на орбите Земли Теон оценивал в 200 миллиардов, если не больше, потому что для этого тоже надо будет создавать орбитальную станцию, которая могла бы принимать грузовые корабли с готовыми для сборки модулями. В идеале буксиров должно быть хотя бы два. Один большой грузовой, для него надо десятка два ионных двигателей. Другой маленький для доставки экипажей с восемью двигателями. Вот и получается, что весь проект влетит в 600-700 миллиардов. Причем 200 предстояло потратить на первом этапе в течение следующих 5-6 лет.

Таких денег у Теона не было. Максимум, что он смог бы потянуть, это сборка небольшого буксира для отправки человека на орбиту Марса, посадки на планету небольшой ракеты и возвращения. Такой проект обошелся бы миллиардов в 70-80. Будут ли у него такие деньги через год, два, пять лет, сказать было сложно, потому что его состояние зависело от котировок акций. А они могли пойти вниз в любой момент. Пока этого не случилось, под обеспечение акциями своих технологических компаний надо было брать кредиты в живых деньгах. В США из-за давления неизвестных пока сил сделать это было очень сложно. Оставались еще два места, где их можно было взять, – Китай и нефтяные королевства Персидского залива. Первый отпадал сразу, потому что китайцы были прямыми конкурентами в космической гонке. Они тоже усиленно разрабатывали технологию ионных двигателей и дышали в затылок русским. Оставались шейхи.

Как раз к ним прямо из Таиланда и собирался лететь Теон, воодушевленный своим новым приобретением в лице талантливого русского ученого и конструктора Миши Когана.

Объединенные Арабские Эмираты. Дубай

Вести дела с шейхами непросто. Здесь многое значат такие ставшие экзотикой для западного бизнеса понятия, как честь, достоинство и соблюдение интереса партнера. А еще очень важна личная симпатия, которой бизнесменам из Европы и Америки довольно сложно добиться из-за их латентного расизма, чувства собственного превосходства и полного непонимания химии отношений между людьми на арабском Востоке.

Теон не страдал этими пороками, потому что напрочь был лишен пафоса больших денег и сопутствующих им понтов. К тому же он родился в Африке и с детских лет усвоил простую истину: если белый человек хочет добиться чего-то от аборигенов, ему прежде всего надо проявить к ним уважение. Причем желательно, чтобы это уважение было облечено в материальную форму, и чем эта форма дороже и ценнее, тем больше будет шанс на понимание. Поэтому перед визитом в Персидский залив он подготовил подарки. Целый грузовой самолет подарков. Породистые жеребцы стоимостью в несколько миллионов каждый, сравнимые с ними по цене эксклюзивные спортивные электрокары в люксовом исполнении, мощные и невероятно быстрые для внедорожников электротраки, произведенные на его заводе, составляли лишь часть подношений, приготовленных Курцом для избалованных роскошью правителей.

На его стороне был также и тот факт, что многих шейхов он знал лично. Они встречались на международных выставках и форумах, Теон приглашал их целыми семьями на запуски своих ракет. Очень важным было и то, что почти все суверенные инвестфонды этих стран имели солидные пакеты акций его технологических компаний и в последнее время очень неплохо заработали на их росте. Не без его подсказок, конечно. Поэтому была уверенность, что транспортник обратно пустым не полетит и обмен подарками будет взаимным.

Миллиардер планировал посетить три столицы: Эр-Рияд, Абу-Даби и Доху. В Эмиратах и у саудитов была нефть, в Катаре – газ. Причем в отличие от Бахрейна и Кувейта, где их добыча и продажа оказалась в концессии у западных компаний, эти три страны сохранили над своими ресурсами суверенитет. Это означало, что их монархи могли относительно свободно распоряжаться поступающими в казну деньгами. По его прикидкам, при удачном раскладе он мог собрать миллиардов двадцать. Это не покрыло бы всех расходов подготовительного этапа, но послужило бы хорошим сигналом для других честолюбивых инвесторов, которые хотели бы, чтобы их имя навсегда вошло в историю космонавтики. Поскольку проект был бесприбыльный, основной мотивацией служило то, что астронавты этих стран будут в числе первых, кто отправится на Марс. И, конечно, это будут члены монарших семей.

В целом ожидания Теона оправдались. Он провел по одному дню в каждой из столиц. Правители принимали его лично. Останавливался он в их роскошных дворцах. На переговорах присутствовали самые высокие фигуры монархий. Но, несмотря на оказанное уважение и вполне искреннее желание помочь, с шейхов не удалось собрать нужной суммы. Цены на углеводороды были нестабильны. Накопленные в начале века в фондах благосостояния в сотни миллиардов долларов стремительно таяли, съедаемые непомерными госрасходами. Из-за этого правительства стран Залива всерьез занялись мерами экономии и повышения эффективности своих бюджетов. К тому же военно-политическая обстановка в регионе оставалась напряженной и из-за действий США могла в любой момент обостриться вплоть до полноценной войны. Полет на Марс – дело хорошее, престижное, тешащее гордость и самолюбие правителей, но шейхи считали, что сейчас деньги разумнее было бы потратить на закупки вооружений.

Дубай в списке Теона стоял последним. Он хорошо знал правителя этого эмирата. Тот слыл человеком продвинутым и прогрессивным, знатоком новых технологий, почитателем искусств и покровителем наук. Шейх несколько раз был на его заводах и тестовых ракетных полигонах и периодически делился с ним идеями. То ему хотелось построить завод электро-мобилей в Дубае, то фабрику по производству новых, созданных инженерами Теона батарей или солнечных панелей, то провести гиперлуп⁸ между Дубаем и Абу-Даби. Все эти многомиллиардные проекты были очень многообещающими. Курц готов был в них поучаствовать, если бы не одна проблема – у Эмирата не было на них денег.

В Дубае почти нет нефти. Весь его футуристический блеск и граничащая с пресыщенностью роскошь были результатом удачного приложения мудрой политики по привлечению богатых людей со всего мира в безналоговую зону, где никто не задает вопросов о происхождении денег и об их владельцах. Такой режим позволил аккумулировать гигантские по меркам совсем небольшого государства средства и пустить их на развитие. В том числе на многомиллиардные всемирно известные проекты вроде Пальмы или Бурдж-Халифа. Но с нарастанием международного давления на офшоры и ростом нестабильности на финансовых рынках приток средств иссяк и некогда шикающий Эмират тоже стал считать деньги.

Поэтому визит Теона к шейху носил, скорее, дружеский, чем деловой характер. Миллиардер остановился в его дворце. Они провели день в непринужденной беседе о новых технологиях, о будущем науки и человечества. Потом на вертолете перелетели на дубайский автодром, где были выставлены подарки для правителя. Заряженный люксовый электрокар, способный

⁸ *Высокоскоростной поезд, движущийся в вакуумном тоннеле.*

с места взять самый мощный гоночный автомобиль, и пара электрических внедорожников в разном исполнении, словно сошедших с кадров фантастического фильма. Они погоняли по извилистой трассе и, вдоволь насладившись скоростью и адреналином, переместились на идущую вдоль побережья шикарную 162-метровую яхту шейха, третью в мире по размерам и стоимости, но, возможно, первую по комфорту. На борту они поужинали и перешли на верхнюю палубу, где был оборудован кальянный бар и уже шло восточное шоу с красавицами в прозрачных одеждах, которые почти не скрывали их обнаженных тел.

– Как быстро меняется мир, – улыбнулся Теон, приняв у слуги кальян. – Лет пять назад я бы и не подумал, что такой правоверный, как ты, порадует меня откровенным шоу.

– Такова жизнь, мой дорогой друг. Меняется мир. Меняемся и мы, – шейх с видимым наслаждением выпустил тонкую струйку дыма. – Но заметь – эти девушки одеты. Пусть их одежды и прозрачны. К тому же они не мусульманки. Из Восточной Европы. По-моему, из Украины. А у нас всегда было принято привлекать рабынь для услады взора и тела.

– Да. В этом плане мало что изменилось.

– Я хотел бы вернуться к нашему разговору о Марсе, – шейх, чуть сощурившись, внимательно рассматривал Курца сквозь облачко дыма. – Ты, наверно, счастливый человек. Ведь тебе удалось вплотную подойти к исполнению своей мечты.

– Наверно, счастливый, – Теон посмотрел в сторону береговой линии, где в вечерних сумерках россыпью драгоценных огней сиял Дубай. – Но приблизиться к мечте еще не значит ее исполнить.

– Понимаю. И сожалею, что не могу тебе помочь деньгами. Уровень не тот. Искусственный остров намыть или башню до небес построить я могу. Эти проекты стоят миллиарды, но они мне по карману. А тебе нужны десятки, сотни миллиардов. Даже мои братья из Эр-Рияда и Дохи сейчас не имеют столько свободных денег.

– Здесь ты прав. Обидно. Нацбанки Америки и Европы триллионами печатают ничем не обеспеченные валюты и расходуют их на всякое дерьмо. А вот на полеты к звездам у них денег нет. Обидно.

– Согласен. Но не печалься, мой друг, выход есть, – с лукавым прищуром улыбнулся правитель. – Он как раз в твоём стиле. На стыке реальных технологий и фантастики.

– Философский камень⁹? – скептически хмыкнул миллиардер и потянулся за стаканом джин-тоники.

– Не совсем. Но довольно близко. Это действительно камень. Только очень большой. Дело в том, что один из моих подданных, ливанец по происхождению, чрезвычайно богатый бизнесмен по состоянию и очень просвещенный человек, участвовал в финансировании космической программы Дубая. Мы провели вместе много времени в интересных беседах о космосе и о человечестве. Могу тебя заверить, он очень интересный собеседник. Так вот, возможно, если он сочтет тебя достойным партнером, то сможет предложить две вещи: интересную идею и деньги, чтобы помочь с ее осуществлением. И если у вас получится, ты сможешь купить себе полмира. Ну или хотя бы четверть. А остальное купит он.

– Ты же знаешь уровень моих финансовых запросов. Десятки миллиардов для начала, сотни для запуска полноценной марсианской программы. Откуда у бизнесмена, пусть даже крупного, такие свободные средства. Если бы мы были в Латинской Америке, я бы подумал про наркоту. Но здесь... И какой ему интерес от полета на Марс?

– Интерес очень простой. Если затея удастся, он увеличит вложенный капитал в десятки раз. А насчет денег, – шейх отвел руку назад. Стоявший сзади, слуга тут же подскочил к нему с золотым подносом, на котором лежал смартфон в платиновом корпусе. Он взял аппарат, сделал по экрану несколько движений и протянул Теону. – Ты знаешь, что это?

⁹ Мистический элемент в алхимии, необходимый для трансмутации металлов в золото.

– Хм... Похоже на какую-то арабскую бухгалтерию. И сумма впечатляет – 2 миллиарда. Только непонятно чего. Все на арабском.

– Это, мой друг, доллары. А документ, который я только что тебе показал, – хавала.

– Что? – переспросил миллиардер, пытаясь вспомнить, где уже слышал это название.

– Хавала. Основанная на личном доверии система неформальных расчетов через расписки. Ее история уходит глубоко в древность Ближнего Востока, когда торговые караваны и корабли преодолевали тысячи километров по огромным, полным опасностей просторам земли и моря. Торговцам было очень опасно возить с собой сундуки с золотом. На их пути часто встречались бандиты и пираты. Поэтому арабы придумали систему взаимозачетов через расписки. Любой человек – купец, воин или простолюдин – мог внести деньги в хавалу в одном месте. Там ему давали именную расписку с печатью. Он представлял ее в другом месте и получал всю сумму за вычетом небольшой комиссии. Так ему не надо было рисковать деньгами и жизнью в опасных путешествиях.

– Вспомнил-вспомнил, – оживился Теон. – И что? Эта система работает и сейчас?

– Работает, – кивнул шейх, затаился кальяном и выпустил вверх струйку дыма. – Правда, новые технологии изменили ее до неузнаваемости. Теперь в основе хавалы лежит блокчейн и работает она через Интернет. Внес деньги в одном месте, тут же получил в другом. Легко и доступно.

– И скрыто от органов финконтроля.

– Точно так же, как и любая другая криптовалюта. Но суть не в этом. Сейчас годовой оборот хавалы превышает два триллиона долларов. Ей пользуется весь Ближний и Средний Восток, Африка, Индия и Юго-Восточная Азия. По сути, это один из самых крупных тайных банков мира. И самых древних.

– Охренеть, – удивленно выдохнул Курц.

– Именно, – улыбнулся правитель, довольный произведенным на гостя впечатлением. – Так вот. Мой подданный, о котором я тебе говорил, является одним из «идэ»¹⁰ – руководителей хавалы. Поэтому у него есть доступ к ресурсам в объемах, которых тебе не хватает для запуска первой фазы марсианского проекта. А еще у него есть фантастическая идея, способная раз и навсегда решить твою проблему с финансированием. Ну и дать ему возможность стать еще богаче и влиятельнее.

– Если это так, то я готов с ним встретиться хоть сейчас.

– Не сейчас, мой друг, – покачал головой шейх. – Утром... Это произойдет утром. А пока нас ждут ласки распутных грешниц. Не зря же эти красавицы весь вечер демонстрировали нам свои роскошные тела.

Наутро вертолет шейха доставил Теона в резиденцию таинственного теневого банкира. Вопреки ожиданиям, человек, через которого проходили если не триллионы, то уж точно сотни миллиардов долларов, жил не в восточном дворце, а во вполне себе современной вилле.

На огромной орошаемой территории раскинулись тенистые пальмовые рощи, благоухающие тропическими ароматами цветники и два больших пруда с морской водой, кораллами и экзотическими рыбками. Здание резиденции было приземистым, современным строением из стекла и бетона с несколькими увитыми виноградной лозой террасами и бассейном с пресной водой на крыше. Вокруг территории – высокий забор, за которым находился еще один поменьше из проволоки, по которой был пропущен ток. Широкое, метров в десять, усыпанное песком расстояние между ограждениями очень напоминало пограничную следовую полосу.

Еще с вертолета Курц заметил несколько небольших приземистых строений по периметру владений, которые очень напоминали пункты охраны или контроля. Создавалось впечатление, что хозяин если не опасается за свою жизнь, то очень серьезно относится к собственной

¹⁰ *Мастер по-арабски.*

безопасности. С одной стороны, для человека его положения в этом не было ничего странного, с другой, такой уровень силового присутствия наводил на мысли о том, что его с легкостью могут применить.

Вертолет приземлился на оборудованной специальным покрытием площадке, расположенной за виллой. Теона встретила подъехавшая на электрокаре миловидная девушка европейской наружности в светлом брючном костюме, отдаленно напоминающем деловой стиль, и ее то ли помощник, то ли секретарь. Во всяком случае, в его миссию входило только помочь Теону спуститься по ступенькам вертолета, потому что за рулем была именно девушка.

Резво проскочив по проложенным вокруг резиденции дорожкам, они направились к тенистой террасе, расположенной у одного из прудов. Там, устроившись в мягком кресле у низкого арабского столика, сервированного фруктами и сладостями, их ожидал хозяин. Увидев Теона, он поднялся, вышел навстречу и, приветливо улыбнувшись, на европейский манер протянул руку, с интересом рассматривая гостя.

– Так вот вы какой... Самый богатый человек на планете. Изобретатель и инноватор. Рад. Очень рад знакомству. Я Мади Сахим бин Малик. Можно просто Мади.

На вид ему было за шестьдесят, но держался он бодро и излучал некую необъяснимую энергию, которая сквозила в его пронзительном, уверенном взгляде и в экономных, выверенных движениях опытного бойца. Его рукопожатие было коротким и крепким, совсем не таким, какое можно ожидать от стареющего, избалованного роскошью теневого банкира. Под свободно сидящей на широких плечах рубашкой проступали рельефные мышцы.

«Власть, – вдруг подумал Теон. – Этот человек излучает энергию власти. Он в полной мере познал всю ее глубину и силу.»

– Его Высочество мне много рассказывал о вас, – Мади сделал радушный жест рукой, приглашая гостя присесть к столу. – Должен признаться, я ждал этого момента.

– Для меня честь познакомиться с вами, – почтительно склонил голову Курц. – Его Высочество вчера в общих чертах поведал о ваших возможностях. Они действительно впечатляют.

– Да бросьте, – отмахнулся хозяин. – Мы лишь поддерживаем систему, которая работает уже больше тысячи лет. В цифровое время делать это проще, чем когда-либо. Блокчейн и криптовалюты свели наши усилия к минимуму. Если так пойдет и дальше, мы можем вообще остаться не у дел. Зачем нужна хавала, если можно открыть криптокошелок, сбросить по почте его данные партнеру и тот сможет воспользоваться находящимися на нем средствами.

– Но ведь и в это время вы продолжаете работать. И процветать.

– Да. Пока нам это удастся, потому что хавала дает гарантии, что транзакции пройдут без обмана и все условия будут выполнены.

– Интересно, какого рода гарантии. Ведь ваша система зачетов неформальна и основана на доверии.

– Здесь мало что изменилось за последние тысячу лет, – Мади сделал небрежный жест рукой, и у стола возник слуга с подносом, на котором стояли два запотевших бокала с шампанским. – Предлагаю поднять бокалы за знакомство. Не смущайтесь. Я родился и вырос в Ливане. Это светская, европейская страна с европейскими привычками и образом жизни. Так что местные запреты на алкоголь и прочие радости на меня не распространяются.

– За знакомство, – поддержал хозяина Теон, потому что отказаться было бы верхом неуважения.

– Так вот. Про гарантии, – ливанец сделал длинный глоток и поставил бокал на стол. – Они очень просты, но эффективны. Это жизнь и здоровье участников хавалы. В самом ее начале к тем, кто не выполнял условия и не держал слово, приходили ассасины. Со временем люди поняли, что наказание за обман и мошенничество неотвратимо, и стали добровольно соблюдать правила. Эта практика укоренилась в систему, стала традицией, нормой и неписа-

ным кодексом, нарушить который невозможно. Я даже не помню, когда мы прибегали к силовым методам в последний раз.

– Жестко, но эффективно, – понимающе кивнул Курц. – Особенно в современном мире, где честное слово заменил бумажный контракт, который ушлые юристы могут вывернуть в любую сторону.

– Рад, что мы с вами говорим на одном языке. А теперь к делу. Я в курсе вашей марсианской программы, а также определенных сложностей с финансами, которые не способствуют ее продвижению. У меня хорошие отношения с правителями не только в Эмиратах, но и в Эр-Рияде и Дохе. Мне известно, что из запланированных двадцати миллиардов вам удалось собрать только шестнадцать. И то в виде неподкрепленных обязательств и обещаний.

– Вы хорошо осведомлены, – внутренне подобрался Теон, чувствуя, что сейчас он услышит главное.

– Такова природа моей работы. Так вот. Я готов предоставить недостающие средства для того, чтобы вы смогли запустить проект и построить первый космический буксир с ионным двигателем. Но ведь это не решит проблемы финансирования строительства орбитальной станции у Марса и обитаемой базы на его поверхности. А, насколько я понимаю, именно в этом ваша конечная цель или, как выразился Его Высочество, – мечта.

– Вы правы. Один космический буксир сможет доставить небольшой экипаж на орбиту Марса и вернуть обратно. Аппарат покрупнее в состоянии нести ракету или планер для посадки на поверхность одного-двух человек и возвращения на орбиту. Для строительства базы нужны совсем другие масштабы.

– Можете уточнить какие? – сквозь качнувшуюся от морского бриза листву беседки пробился солнечный луч, упал на лицо Мади, и его темные глаза сверкнули холодным блеском отточенной стали.

– 600-700 миллиардов, – с ходу ответил Теон и с вызовом посмотрел в глаза хозяину. – Вы располагаете такой суммой?

– Нет, – спокойно улыбнувшись, покачал головой тот. – Но я знаю, где ее взять.

В этот момент от Мади повеяло такой силой и уверенностью, что Курцу на мгновение показалось, словно перед ним сидит всемогущий джин из восточных сказок и стоит загадать желание, как оно тут же будет исполнено.

США. Калифорния. Сан-Хосе

Америка встретила Мишу и Яночку мягким вечерним калифорнийским солнцем и затянутыми в маски и ковидные щитки пограничниками. Небольшой частный самолет, который прислал за ними Теон, приземлился в аэропорту Сан-Хосе. Досмотр и таможеню прошли прямо на взлетной полосе. Небольшой пикап погранслужбы подкатил к откидному трапу, и пограничники, быстро проверив документы, визы, справки о прививках и осмотрев для приличия нехитрый отпускной багаж, впустили парочку на территорию США.

Из Таиланда их сопровождал штатный юрист по миграции Альфа Спейс и еще какой-то неразговорчивый мужичок, представившийся консультантом по таможенным процедурам. Полет прошел без приключений. Удобные, раскладывающиеся в кровать кресла, безупречный сервис, хорошо подобранная фильмотека и дорогое шампанское сделали перелет приятным, так что долгие 17 часов в самолете пронеслись незаметно.

Из аэропорта ученого с подругой доставили прямо в пригород в их новый дом – небольшую, современную виллу с прекрасным видом на лесистые горные склоны и участком в полгектара земли, засаженным пальмами, магнолиями и прочей тропической растительностью, полномерным бассейном и оборудованной площадкой для барбекю. На пороге их встретили специалист службы размещения компании и улыбочивая пожилая горничная мексиканка. Она, стараясь изо всех сил, выговорила по-русски «Добро пожаловать» и открыла перед ними дверь

в просторную светлую гостиную с раздвигающимися панорамными окнами, выходящими на террасу к бассейну.

Следующие час с небольшим прошли в ознакомлении с новым жилищем. Миша и Яночка даже не пытались скрыть восхищения. Несмотря на кажущийся с дороги небольшой размер, вилла имела три спальни, кабинет, огромную гостиную, вместительную кухню-столовую и несколько мелких комнатушек, в которых разместились гардеробные и бытовки. Мебель не новая, но стильная, качественная и функциональная. Было заметно, что перед их приездом сделали профессиональную уборку, чистку мебели и дезинфекцию. Служба размещения предусмотрела все: и постельное белье, и кухонную утварь, и даже тапочки, домашние халаты и несколько комплектов мужской и женской одежды и обуви как раз подходящего размера. А еще пару смартфонов с местным подключением. Холодильник был наполнен незнакомыми продуктами, а барная стойка манила хорошим выбором напитков. Но вишенкой на торте оказался поблескивающий свежей краской новый мощный электрокар, нетерпеливо ожидающий хозяина в гараже.

В общем, восторгу молодой пары не было предела. Специалист службы размещения предложил проехать по окрестностям, показать магазины и рестораны, но из-за избытка эмоций Миша и Яночка решили провести остаток вечера в своем новом жилище.

Солнце уже село за горы. На пригород быстро опускались сумерки. Умный дом зажег на территории и в гостиной мягкое освещение. В кустах тихо поскрипывали цикады. Миша взял из бара бутылку шампанского, набросал ведерко льда и потянул Яночку к играющему внутренней подсветкой бассейну. Когда они расположились на шезлонгах и выпили за начало новой жизни, ученый, покачивая головой, сказал:

– Блин. Я до сих пор в это не верю. Кажется, это какой-то сон. Иногда даже страшно. Вот откроешь глаза, и все пропадет.

– Миш, это какой-то пипец, – Яна покачала головой. – Я ожидала хороший прием. Но чтоб такое! И частный самолет, и вилла с бассейном, и обслуга, и бар, и холодильник, и новая тачка в гараже. Нет. Это полный пипец.

– Ну почему наши так не могут, – не скрывая обиды, простонал ученый. – Почему у нас реально гениальным людям не создают условия, чтобы они могли спокойно работать и не думать о том, что им придется вечером стирать собственные трусы. Ведь, если бы у меня дома было бы хотя бы десять процентов от этого, я, может быть, хрен бы повелся на предложение Теона.

– Так уж и десять.

– Ну двадцать. Тридцать. Тут дело не в деньгах, а в принципе. Талантливый ученый, он, как бриллиант, который вдвойне, втройне заиграет в хорошей оправе. Я один толкнул русский космос вперед на десятилетия. Один! Понимаешь. Сколько таких людей в науке, в оборонке? Тех, кто действительно совершает прорывы в будущее, от которых будет зависеть жизнь страны. Десятки? Пусть сотни. Неужели им нельзя создать такие вот условия. Ведь их идеи приносят государству триллионы, – Миша от досады сжал губы и снова наполнил бокалы. – Так нет, блин. По советской традиции ученый должен жить в нищете, тратить свой талант, нервы, время и здоровье на благо страны, чтобы потом на его открытиях ушлые олигархи заработали миллиарды или его результаты разворовали шкурные чиновники. Разве справедливо?

– Не ко мне вопрос, – вздохнула Яна. – Давай не будем о грустном. Мы в раю. Блин. Мы реально в раю.

Они еще долго сидели у бассейна, глядя, как ночь поглощает вершины лесистых гор. Вслушивались в новые, чужие пока звуки отходящего ко сну дорогого пригорода, вдыхали непривычные ароматы ночных цветов, смотрели на звезды незнакомого неба. И думали каждый о своем. Миша – о завтрашнем дне и первом визите в исследовательский центр Альфа Спейс. Яна – о том, как удачно все сложилось. Прототип, академики, Таиланд, Теон Курц – все

выстроилось в невероятную цепочку, которая привела ее сюда, в Сан-Хосе. Удача. Это была несомненная удача.

Наутро за Коганом заехал водитель из исследовательского центра, а за Яночкой ближе к полудню уже знакомый специалист службы размещения, чтобы повозить ее по магазинам и познакомить с женами русских ученых и инженеров, которых в компании было немало.

Исследовательский центр Альфа Спейс располагался недалеко от их виллы на границе города и Национального парка Ранчо Сан-Антонио. Он представлял из себя небольшое современное здание из стекла и бетона, довольно гармонично вписывающееся в окружающую его буйную зелень. Теон специально вынес конструкторов, инженеров и разработчиков подальше от основного офиса и завода компании, который располагался в пятистах километрах южнее в пригороде Лос-Анджелеса. Это было сделано для того, чтобы производственники и управленцы не мешали полету мысли и фантазии интеллектуалов.

В центре работало около ста человек постоянного научного персонала и еще пятьдесят привлеченных специалистов, собранных из других компаний Курца или взятых на контракт извне. Исследования были разбиты на несколько потоков: двигательные системы, архитектура космических аппаратов, узлы и модули многоразового использования, системы жизнеобеспечения и управления. Каждый конструкторский поток работал в рамках общей программы над своим куском космического корабля. Когда все было готово, создавалась совместная группа, которая сбивала части в целостный проект и передавала его на опытно-испытательное производство.

В центре Мишу встретил директор, молодой индус, которого все звали просто Аджай из-за труднопроизносимой фамилии. После выполнения формальностей в отделе кадров он быстро провел его по отделам, потом часа два в кабинете рассказывал о компании и находящихся в работе проектах. В конце объявил, что Теон принял решение создать еще один конструкторский поток для разработки ионного двигателя, интегрированного в космический буксир. Начальником отдела, как и обещано, назначен Миша Коган. В рамках центра ему даны особые полномочия по бюджету и набору людей из других подразделений.

Сам Курц должен был вчера прибыть в центр для личного представления нового сотрудника коллективу, но задержался в Эмиратах. Вместо двух запланированных дней он уже почти неделю сидел в Дубае и окучивал там какого-то важного инвестора. По последней информации, его ожидали завтра. Поэтому Аджай решил пока не делать общее объявление о новом отделе, а подождать босса. А пока у Когана будет время просмотреть профили разработчиков и конструкторов, чтоб подобрать себе команду.

Остаток дня Миша провел в отдельном кабинете, изучая базу сотрудников центра, в которой было больше двух десятков выходцев из России, в основном из конструкторских бюро Роскосмоса. Он вспомнил вчерашний разговор у бассейна и, тяжело вздохнув, принялся читать их досье. Еще в Таиланде, когда они с Яночкой «догуливали» отпуск, он прикидывал, с чего начнет работу у Теона, составил пошаговый план и примерные требования к специалистам для ядра рабочей группы. Так что к концу дня у него была готова структура отдела, а в десяти верхних ячейках уже красовались отобранные им кандидаты.

Вечером служба размещения компании сообщила, что Яночка очень плотно и продуктивно пообщалась с женами русских сотрудников и одна семья пригласила их на барбекю. Там должна была собраться веселая компания и можно будет неплохо провести вечер с соотечественниками. Через полчаса он в машине Гора, который оказался Егором Серовым из Новосибирска, ведущим разработчиком систем жизнеобеспечения и безопасности центра, ехал к нему на виллу, чтобы присоединиться к своей подруге и в неформальной обстановке познакомиться с коллегами-земляками.

Теон объявился только к концу следующего рабочего дня. К этому времени весь центр уже знал, что в структуре появился новый отдел по разработке ионного двигателя, который воз-

главил русский конструктор, недавно создавший в Москве рабочий прототип. Босс прилетел на вертолете из головного офиса Альфы, где целый день в своем кабинете шушукался с Акостой, терпеливо ожидавшими его финансистами с Уолл-Стрит и еще с какими-то мутными личностями, по виду очень напоминающими шпионов или гангстеров. Это было довольно странным, потому что Курц с легкостью делегировал все операционные вопросы директорам, а сам участвовал лишь в разработке стратегии и фонтанировал безумными идеями, которые в результате принесли ему славу и бешеные миллиарды. Такое поведение босса могло означать только одно: в Дубае он нарвался на что-то очень серьезное и вскоре разродится еще одним безумным проектом. Слух об этом с быстротой молнии разнесся по компании, и все с нетерпением и замираньем сердца ждали новостей, что такого нового родилось в гениальной голове босса.

В исследовательском центре Миша был первым, кому Курц изложил свой план. После того как он обошел всех и поздоровался с каждым, кого встретил, Теон зашел в кабинет к Когану и уселся в кресло напротив него. Тот было вскочил, чтобы предложить место за своим рабочим столом, но Курц остановил его небрежным жестом:

– Давай без суеты и лишних формальностей. Скажи лучше, как устроился?

– Шикарно, – вырвалось у Миши, хотя он готовился к встрече и хотел казаться более деловым и сдержанным. – Выше всяких ожиданий.

– Супер, – безразлично кивнул Теон. – Будут бытовые проблемы, обращайся к службе размещения. Они все уладят. Я не хочу, чтобы что-то отвлекало моих гениев. А теперь о работе. У нас еще будет время детально обсудить принцип действия и конструкцию ионного двигателя, но сейчас у меня к тебе два главных вопроса. От них зависит, как будет дальше развиваться наша марсианская программа. Первый. Насколько высоко исходящее от рабочего реактора излучение, и сможет ли оно привести к радиоактивному заражению находящихся в непосредственной близости или даже соприкосновении с ним материалов?

– Мы в России использовали высокотемпературный реактор на быстрых нейтронах с топливным элементом из диоксида урана с 90-процентным обогащением по изотопу уран-235. Наша конструкция космического буксира, или, как мы его называем, транспортно-энергетического модуля, предполагает слой радиационной защиты между реактором и энергоблоком. Вот смотрите, – Коган взял карандаш и быстро набросал на листке схему корабля, в основе которого лежала отдаленно напоминающая дробик для игры в дартс стометровая хорда, собранная из металлических ферм. – Реактор расположен в носовой части буксира. Сразу за ним для максимального КПД – мегаваттная газотурбинная установка, генерирующая электричество для двигателей. Между ними, вот здесь, радиационная защита. На самом реакторе кожуха нет, и излучение свободно уходит прямо в пространство, попутно охлаждая реактор. А вот слой защиты создает сзади ректора, там, где находится остальная часть буксира, своеобразную тень от излучения. Это первый уровень безопасности. Второй заключается вот в этой раздвижной металлической ферме, на которой, как на позвоночнике, крепятся остальные модули буксира. Заметьте, ближайший к реактору узел, генератор капельного холодильника-излучателя, отнесен на 50 метров, а аппаратный отсек, блоки электрореактивных двигателей и стыковочный узел для полезной нагрузки – на все сто. Учитывая, что все это находится в тени радиозащитного кожуха, излучение в данной области лишь немного превышает фоновое. Можно, конечно, полностью экранировать реактор. Но здесь надо понимать, что защитный кожух будет весить немало, а значит, полезная нагрузка снизится. Зачем это делать, если достаточно простого конструктивного решения.

– Хм... У вас реактор и стыковочный узел для полезной нагрузки разнесены на 100 метров, – Теон повернул к себе листок и постучал по схеме карандашом. – А все узлы наворожены на металлическую ферму, которая служит основой корабля.

– Не только. Она еще является каркасом, внутри которого находятся баки с жидким газом для электрореактивных двигателей. А у американцев что, не так? Я думал, это стандартная схема.

– У американцев каша в голове. Им бы только бюджет освоить. Так. Давай еще раз по схеме, раз ты ее нарисовал. Реактор генерирует тепловую энергию...

– ...которая выпаривает теплоноситель, смесь гелия с ксеноном. Получившийся под давлением газ приводит в действие турбину энергетической установки. Она генерирует электрический ток, который подается на электродвигательные установки и нагревает рабочую зону, где сжиженный ксенон из баков превращается в плазму. Образуется мощная постоянная реактивная струя, которая и создает тягу.

– Значит, блок реактор-газовая турбина может быть разнесен с электродвигательными установками на значительное расстояние. На какое?

– На сколько хватит силовых кабелей. Но к реактору и турбине нужен еще и капельный охладитель. Без него все сгорит. Блок из этих трех агрегатов можно сделать автономным, а двигатели разместить на сколь угодно большом расстоянии.

– Итак. Что мы имеем. Реактор можно экранировать или отнести на значительное расстояние. Это сведет к минимуму риск заражения полезной нагрузки?

– В общем да.

– Хорошо. Очень хорошо. Идем дальше. Я знаком с предварительной конструкцией буксира и расчетами полезной нагрузки твоего двигателя. Чтобы доставить 100 тонн груза к Марсу за 40 дней, надо буксир с четырьмя блоками по 4-6 электрореактивных двигателей в каждом. Сколько потребуется двигателей, чтобы уверенно буксировать тело массой около ста миллионов тонн на такое же расстояние?

– Сколько тонн? – удивленно переспросил Миша.

– Сто миллионов тонн. Плюс-минус десять процентов, – как ни в чем не бывало, ответил Теон, поигрывая на столе карандашом.

– Сложно сказать. Нужны расчеты. Эту массу можно буксировать и одним двигателем. Но такая сборка достигнет нужной скорости через очень долгий период. Сто миллионов тонн – это колоссальная масса. Вы хотите построить станцию на орбите Земли и отбуксировать ее к Марсу? Нет. Для станции это слишком большой вес. К тому же чтобы доставить ее на орбиту, нужно огромное количество пусков с поверхности. Или вы построите космический лифт?

– Не мучьте себя вопросами, – улыбнулся Теон. – Речь идет не о станции. Я хочу, чтобы вы притянули на орбиту Земли астероид весом около ста миллионов тонн. Камешек небольшой. Всего 320 на 150 метров. Раз в два с половиной года он пересекает орбиту Земли. В этом камешке золота, платины, никеля и редкоземельных металлов на сумму более 5 триллионов долларов. Нам этих средств хватит не то что организовать полет на Марс, но и наладить регулярное сообщение и нахрен там все заселить. Что думаете? По силам вам такая задача?

– Уау... – выдохнул Коган, впечатленный идеей. – Технологии для этого есть. Думаю, при наличии ресурсов мы можем попробовать это сделать.

– Не можем попробовать, мой друг, а сделаем, – уверенно сказал Курц и, небрежно бросив карандаш на стол, поднялся с кресла. – Обязательно сделаем.

Вечером Теон собрал всех сотрудников центра на лужайке у главного входа и объявил, что начинает новый грандиозный проект. Он хочет притянуть на орбиту Земли астероид весом в сто миллионов тонн и стоимостью 5 триллионов долларов. После этого объявления прямо на территории миллиардер закатил шумную вечеринку с барбекю, живой музыкой и морем пива и вина.

Когда на десятке грилей еще всюю жарились стейки и ребра, у длинной барной стойки толпились возбужденные и не совсем трезвые конструкторы и ученые, а музыканты взрывали вечернюю тишину задорными мелодиями, ведущие мировые СМИ вышли с кричащими заго-

ловками вроде «Теон Курц решил заработать триллионы на астероиде». На этой новости котировки Альфа Спейс подскочили сразу на 18%, так что пришлось даже останавливать торги, чтобы сбить ажиотаж.

Впрочем, новая безумная идея Теона понравилась далеко не всем. И речь здесь шла не о привыкших к размеренной полусонной жизни конкурентах из НАСА или о куда более агрессивных, но не обладающих сравнимыми с Теоном финансовыми и интеллектуальными ресурсами частных космических компаниях. Зашевелилось куда более злобное и опасное чудовище, имя которому Уолл-Стрит.

В том, что гениальный изобретатель получит независимый от Федрезерва, банков и бирж доступ к триллионам, жирующие на бесплатных деньгах консервативные финансисты почувствовали прямую угрозу своему влиянию. Ведь пришедший в прямом смысле слова с небес источник дохода был реальной и куда более привлекательной альтернативой, быстро увядающей, долларовой финансовой системе. Потому что, в отличие от нее, за ним стояли не ничем не обеспеченные спекулятивные инструменты, а востребованные на рынках ресурсы – золото, платина, никель, редкоземельные металлы.

По прилету из Дубая Теон собрал группу «своих» финансистов – четверых молодых, агрессивных и не признающих авторитетов биржевиков, сделавших состояния на новой интернет-экономике и криптовалютах. Эта группа брокеров и инвесторов с самого начала вела акции его компаний на торговых площадках и неплохо на них поднялась. Несмотря на почти приятельские отношения, доверять им, конечно, было нельзя, а вот рассчитывать на понимание можно. И они поняли. Их профессиональное чутье тут же подсказало, что, даже если проект с астероидом потерпит неудачу и разорит империю Курца, на хайпе вокруг него можно будет заработать миллиарды. Это вам не полет на Марс – хлопотный и бесприбыльный. Доставка астероида на орбиту Земли положит начало новой ресурсной эре для человечества. Космической эре.

В том, что даже на новости об этом можно сделать деньги, они не сомневались и в тот же день прикупили крупные пакеты акций Альфа Спейс. К вечеру, когда информация о новом проекте Теона появилась в СМИ, они наварили на их подъеме от десяти до пятнадцати процентов и продали на пике роста как раз перед остановкой торгов. Потому что знали, какая новость придет утром. Ведь они сами предложили ее Теону.

На следующий день Курц объявил, что под проект создается новая компания – Альфа Орбитал, и на бирже NASDAQ¹¹ готовится IPO¹². Предварительный сбор заявок будет объявлен в ближайшем будущем. Эта новость, вопреки всем ожиданиям, снова толкнула вверх акции Альфа Спейс еще на одиннадцать процентов, потому что эксперты из НАСА, комментировавшие ее, тут же заявили, что для проекта понадобится орбитальная станция, а для нее – несколько десятков ракетных стартов с Земли.

В общем, на бирже давно не царил такого оживления. На хороших новостях акции других компаний технологической империи Теона тоже пошли вверх, и брокеры-спекулянты всех мастей в полной мере использовали этот подъем, чтобы заработать. А вот для серьезных банкиров, уже имевших в управлении консервативные активы на триллионы долларов, такой ажиотаж вокруг Теона был большой проблемой. В случае дальнейшего нарастания хайпа он грозил массовым перетеканием средств из их скучных банков и инвестфондов к молодым агрессивным и гораздо более прибыльным конкурентам, работавшим с империей Курца.

Уже через несколько часов после объявления о создании Орбитал Теон почувствовал нарастающее давление. Вначале позвонил один конгрессмен, открыто продвигавший интересы финсектора, затем – другой, за ним – важный чиновник из Федрезерва. Потом был звонок от

¹¹ Американская биржа, на которой торгуются акции высокотехнологичных компаний.

¹² *Initial Public Offering* – первичное предложение акций на бирже.

руководства NASDAQ. И наконец вечером юристы сообщили об экстренном заседании комиссии по ценным бумагам. Такой интерес они объясняли тем, что планируемое IPO обещало быть самым крупным в истории биржи. Аналитики оценивали предварительный спрос на акции Орбитал в пятьсот миллиардов с потенциалом до триллиона. По словам звонивших, для проведения размещения акций такого масштаба нужно было составить четкий пошаговый план и согласовать массу деталей, чтобы растущий ажиотаж не перерос в безумное желание платить любые деньги и не обвалил всю остальную торговлю на бирже.

Понимая реальную подоплеку такого интереса со стороны Вашингтона, Теон отправлял всех звонивших к своим юристам и финансистам, а сам ждал, когда с ним на связь выйдет кто-нибудь из серых кардиналов, обладающих реальной властью и, как умелые кукловоды, дергающих за нитки, которые заставляют банкиров и биржевиков плясать замысловатые танцы вокруг долларового печатного станка. Но интересующие его люди тянули паузу, по-видимому, наблюдая, можно ли будет контролировать Курца через третьих лиц.

На фоне всей этой суеты произошло еще одно интересное событие. С Теоном связался лично президент США. Он объявил о своем восхищении проектом, сказал, что поддерживает все прогрессивное и инновационное и верит, что такие талантливые предприниматели – основа процветания Америки. Через час после разговора о нем вышло заявление официального представителя Белого дома. Типа, мы за прогресс и инновации, без нас все рухнет.

На утро следующего дня обслуживающие Курца вашингтонские лоббисты сообщили, что стагнирующие рейтинги президента пошли вверх. Анализ подтверждал, что это случилось из-за ассоциации с Теоном и его новым проектом. По их словам, Белый дом ухватился за эту тему и будет всячески ее продвигать, потому что дряхлый старик на грани деменции очень выгодно смотрится на фоне молодого и энергичного миллиардера-инноватора.

Подтверждение этому не заставило себя ждать. К концу дня с Курцом связалась служба протокола Белого дома и сообщила, что президент планирует с ним личную встречу, о времени которой будет сообщено позднее. Это было очень кстати, потому что придавало новому проекту Теона дополнительный вес, официальность и подогривало волну хайпа.

Пока шло время, Акоста навел справки о таинственном теневом банкире из Дубая. Мади Сахим бин Малик получил это имя от правителя Эмирата вместе с гражданством. До этого он был неприметным ливанским банкиром Фаруком Абдаллой, никаким образом не проявившим связи с одной из самой богатых и древних частных расчетных систем в мире. Предоставление гражданства Эмиратов иностранцу – событие беспрецедентное, редкое и требующее особых заслуг. Для этого подписывается личный указ шейха. Особыми заслугами Фарука было то, что в момент, когда строительство самого известного здания Дубая, башни Бурдж-Халифа, остановилось из-за отсутствия финансирования, владелец небольшого ливанского банка предоставил необходимую сумму для его завершения. Причем тайно. Какой она была и на каких условиях передавались средства, можно было только догадываться, потому что официальных данных ни о стоимости башни, ни о источниках ее финансирования не было. Но, судя по уважению шейха, речь шла о сумме, значительно превышающей миллиард долларов. За такую щедрость ливанец получил гражданство, новое имя, огромный кусок пустыни на побережье к северу от Дубая для строительства виллы и льготную лицензию на деятельность во Фризоне¹³.

Официально бывший Фарук Абдалла, а теперь Мади Сахим бин Малик был владельцем логистической компании, имевшей огромные склады в порту Дубая, через которые переваливалось различных товаров на миллиарды долларов в год. А еще он являлся донором Космического центра имени Мухаммеда бин Рашида, основной площадки для развертывания косми-

¹³ *англ. Freezone – свободная экономическая зона Дубая.*

ческой программы Эмирата и любимого детища правителя. Именно через этот центр Мади близко сошелся с шейхом и стал одним из его самых доверенных советников.

О хавале – теневой финансовой системе, которой руководил Мади, информации было очень мало. Все знали, что она существует, все знали, как она работает, но точных данных об обороте и руководителях не было никаких. Многие вообще сомневались, что она до сих пор эффективна, и называли ее легендарным пережитком Средневековья. Дилеры хавалы находились исключительно в мусульманских странах или в мусульманских общинах, очень часто при мечетях. Это чрезвычайно затрудняло раскрутку системы, потому что исламские лидеры и клирики ни под каким давлением не раскрывали информацию и препятствовали работе любых внешних расследований.

Формально хавала ничего не нарушала. Человек под расписку давал деньги в долг в одном месте, а по его поручению средства выплачивались в другом. В большинстве юрисдикций такая транзакция была абсолютно легальной. ЦРУ и ФБР после начала «войны с террористами» прихватили нескольких предполагаемых дилеров по подозрению в финансировании радикалов, но выбить из них так ничего и не смогли. По слухам, пара человек до сих пор сидели в Гуантанамо, так ничего и не сказав. С развитием блокчейн, криптовалют и Интернета отследить хавалу стало вообще невозможно, так что приходилось только догадываться про ее оборот и географический охват.

В общем, подобраться близко к Мади не получалось. На радаре спецслужб он не появлялся. Единственное скудное досье на него в стиле – не был замечен, не состоял, не подозревается – было у МОССАД, и то израильтяне забросили его после того, как Фарук Абдалла стал добропорядочным гражданином Дубая.

Этот персонаж был настолько чист и прозрачен, что у опытного профессионала Акосты невольно возникли сомнения. Уж очень все было гладко, очень похоже на хорошо проработанную легенду. Но прицепиться к арабу было не за что. К тому же экзальтированный Теон вошел в режим раскручивания очередной гениальной идеи, и в этом состоянии удержать его кипучую энергию было просто невозможно. А тут еще развитое за годы долгой и успешной оперативной работы в ЦРУ чутье подсказывало шефу разведки, что на босса надвигается более реальная опасность, чем сказочные всесильные восточные джины.

Вольно или невольно Курц своим астероидом разворошил гнездо таких ядовитых пауков и затронул интересы такого количества влиятельных и сильных людей в Вашингтоне и Нью-Йорке, что от них следовало ожидать самой радикальной реакции.

Однако в течение следующей недели ничего существенного не произошло. Первоначальный ажиотаж вокруг Теона спал. Журналисты поутихли в ожидании следующей порции новостей. Часть биржевиков зафиксировали прибыли, из-за чего акции Альфа Спейс немного припали. Конструкторы исследовательского центра занимались текущими проектами, с нетерпением ожидали полный бриф по астероиду и перелопачивали гору материалов, связанных с возможностью добычи ресурсов в космосе и немногими уже существующими по этой теме разработками.

Такое временное затишье порвал очередной новостью Теон. Он объявил, что покупает небольшую частную исследовательскую компанию, работавшую по заказу НАСА над конструкцией космического буксира с ионным двигателем. По сути, это была одна из лабораторий Масчачусетского технологического института – ведущего мирового центра в исследовании новых технологий. Курц купил ее с потрохами, выплатив НАСА солидную неустойку и выделив МТИ пятьдесят миллионов безусловного финансирования. На базе этой компании он создал исследовательский центр Орбитал и перевел туда Мишу Когана вместе с его новым отделом.

Это событие подхлестнуло интерес к Курцу и вызвало крайне негативную реакцию НАСА, которую, впрочем, удалось быстро погасить соглашением об обмене технологиями. Орбитал давала доступ специалистам космического агентства к результатам своих исследова-

ний, правда, разрешала их свободное использование только в некоммерческих целях. А еще это приобретение убедило серых кардиналов, что Орбитал – проект реальный и, скорее всего, будет осуществлен. И они сделали первый шаг.

Теону позвонил Джозеф Витмар – старый опытный банкир и политик, бывший долгое время председателем Федрезерва, а теперь возглавляющий совет директоров самого крупного в США инвестиционного банка. Оказалось, что он прилетел в Сан-Хосе по делам и заодно хотел бы обсудить потенциал IPO Орбитал.

Они встретились в люксе небольшого, но очень дорогого отеля Вестин. Предварительно номер осмотрела служба безопасности Курца и установила систему радиоподавления. Банкир пришел с юристом и помощником, который выглядел, скорее, как телохранитель, но беседа состоялась с глазу на глаз в изолированной от посторонних глаз гостиной.

– Должен сказать, вы не даете нам скучать, – Витмар налил себе в хрустальный стакан немного виски, бросил пару кубиков льда и с видом хозяина положения уселся в кресло у журнального столика.

– Не рано ли для алкоголя? Что скажут врачи? – тоном заботливой мамыши поинтересовался Теон, прохаживаясь по гостиной. Они уже виделись несколько раз и даже обсуждали что-то накоротке, но такой серьезный разговор предстоял впервые.

– К черту врачей, – махнул рукой банкир и сделал небольшой глоток. – После ковида я уже ничего не боюсь. Вернее, боюсь, молодой человек. Боюсь, что вы в своем неумном стремлении осчастливить человечество инновациями нахрен разрушите все, что мы с таким трудом построили.

– Что именно? Уже начавшую сыпаться долларовую пирамиду? Тонущую в печатаемых вами бесплатных деньгах, потерявшую конкурентоспособность и эффективность экономику? Дряблую, как наш президент, и изъеденную коррупцией политическую систему? Или планы вашей группы построить в Америке феодальный строй?

– Сарказм? А вы смелый человек, мистер Курц. Смелый и дерзкий. Немногие могут позволить себе разговаривать со мной в таком тоне. Для нас было бы честью, если бы такой энергичный и талантливый бизнесмен был на нашей стороне.

– У вас был такой шанс, – Курц уселся в кресло напротив и расслабленно закинул ногу на ногу. – Вспомните. Пару месяцев назад я обратился в один из ваших фондов за финансированием своей марсианской программы. Потом напрямую в банк. Потом пробежался по другим «жирным котам»¹⁴ с Уолл-Стрит. И везде получил отказ. Или вы об этом не знали?

– Знал, – глаза старика чуть сузились, словно он пытался рассмотреть на лице собеседника какую-то мелкую деталь. – Очень хорошо знал. Но одно дело – ваша безумная идея с полетом на Марс, в которой нет ни цента прибыли. Мы не богадельня или благотворительный фонд и в такие игры не играем. А вот проект, сулящий триллионы, – история совсем другая. Здесь мы можем подключиться всей своей мощью. У вас будут любые деньги и полная поддержка в Вашингтоне.

– Спасибо, мистер Витмар, – безразлично пожал плечами Теон. – Но вы опоздали. Я уже собрал нужные средства для начала проекта. А после запуска IPO Орбитал, думаю, с ними вообще проблем не будет. Уже сейчас ясно, что спрос на ее акции будет огромен. Даже не начав работу, ни произведя ни одного старта, это будет одна из самых крупных компаний в мире по рыночной капитализации.

– Я понимаю, что вы далеко не бедный человек и могли бы начать проект, используя свои средства или взять под залог ваших активов нужный кредит. Но вы поступили как профессиональный банкир и решили использовать привлеченные средства. Мудро. Мне сообщили, что в уставном капитале Орбитал участвуют несколько суверенных фондов королевств Залива и

¹⁴ англ. *Fat Cats* – жирные коты. Владельцы крупных американских банков и фондов на жаргоне биржевиков.

несколько частных лиц. Вы взяли деньги у арабов? – Витмар испытующим взглядом впился в глаза собеседника.

– Я взял деньги на международном рынке у того, кто был готов их дать. Вы даже не захотели меня толком выслушать.

– Если бы вы пришли к нам с астероидом, разговор был бы совершенно другим.

– Идея с астероидом возникла в ходе переговоров, – Теон выдержал тяжелый взгляд старика. – Это лишь источник финансирования моей марсианской программы.

– Не верю. Шейхи наверняка сорвут на ней куш в несколько триллионов.

– Да. Как привилегированные акционеры, они будут иметь долю в прибыли Орбитал.

– Мы тоже хотим участвовать в прибыли.

– Пожалуйста, – развел руками Курц. – У вас будет такая возможность. После IPO покупайте акции Орбитал на бирже на общих основаниях.

– Вы не понимаете, молодой человек, – Витмар, чуть подался вперед. – Когда вы игрались в инновации, производили электрокары, запускали ракеты, проектировали гиперлуп и города будущего, нам было все равно. Вся эта возня не затрагивала наших глубинных интересов. Но астероид стоимостью в пять триллионов, состоящий из золота и платины, – дело совсем другое. Неконтролируемый доступ к таким ресурсам нарушит финансовую стабильность и породит хаос на рынках драгоценных металлов. А если доставка такого рода небесных тел на орбиту станет регулярной, то изменится вся структура мировых финансов. Люди потеряют триллионы.

– Вы потеряете триллионы.

– Да. Такой риск есть. И он слишком велик, чтобы мы не предприняли мер по его купированию. Именно поэтому я здесь. Ни одна частная компания не должна иметь свободный доступ к таким финансовым ресурсам.

– Кто это сказал? Или капитализм в Америке уже сдох? Частная инициатива, рынок и свободное предпринимательство похоронены? – Теон с видом невинного младенца посмотрел на старика.

– Бросьте. Капитализм сейчас другой. Это наш капитализм. Финансовый. Когда деньги делают деньги и не надо никаких заводов, фабрик и шахт. Но для поддержания всей системы должен быть один источник денег. Сейчас это Федрезерв и его печатный станок. Вы же хотите привнести в систему еще один источник денег. Новый источник, который будете контролировать сами. Если бы вы говорили о миллиардах, даже о сотнях миллиардов, нам бы было все равно. Делайте что хотите. Но триллионы... Это совершенно иная лига. Здесь должен быть только один игрок.

– Вы же только что сами хотели войти в проект, чтобы сорвать бабла.

– Прибыль в этом случае нас интересует, но она не приоритет. Мы – системообразующие элементы американской экономики и должны вписать ваш проект в общую финансовую архитектуру. Чтобы выход новых средств находился под контролем, был дозируемым и шел в нужном направлении.

– Контроль. Ага. Знакомое слово. К сожалению, прогресс вы контролировать уже не сможете. Джин вырвался из бутылки. Если не я, то астероид на орбиту притянет кто-то другой. Китай, Россия. Я не знаю кто. Вы опоздали со своим контролем, мистер Витмар.

– Опоздали или нет, не вам судить, – нахмурился старик. – Сейчас я предлагаю сотрудничество. Поверьте, нас лучше иметь в качестве партнеров в этом проекте, чем противников.

– Даже так? – поднял брови Теон. – Не думаю, что вы выражаете мнение всех американцев или даже большинства вашингтонской политической элиты. Я знаю, Белый дом поддерживает мой проект. Старику президенту нужно продвигать имидж прогрессивного человека, защитника инноваций и свободного рынка.

– Мнение Белого дома может резко измениться.

– Что ж. В этом случае я все здесь нахрен продам, запакую чемоданы и переберусь к шейхам в пустыню. Зарегистрирую там Орбитал, построю космопорт. Оттуда и будут стартовать мои корабли. И орбитальная станция, и астероид тогда будут не американскими, а арабскими. И уж поверьте мне, несмотря на авторитаризм и полное отсутствие того, что вы называете демократией, лидеры Залива с пониманием относятся и к прогрессу, и к инновациям. А еще они, в отличие от вас, искренне заботятся о своих подданных.

– Вы играете в очень опасную игру, молодой человек.

– Возможно. Но ваши правила в ней уже не работают.

– И все же, – Витмар откинулся на спинку кресла, взял стакан и сделал глоток виски. – Послушайте совет старика, который много повидал на своем веку. Обдумайте мое предложение. Мы готовы оказать вам любую поддержку, как финансовую, так и политическую. Но без нас вам будет тяжело. Очень тяжело. Думаю, вы это скоро почувствуете сами.

На этом разговор закончился. Сказав, что обязательно подумает, Теон оставил банкира в мягком кресле президентского люкса допивать дорогой виски, а сам направился в исследовательский центр, где его ждал вертолет.

По дороге в головной офис Альфы в пригороде Лос-Анджелеса он назначил совещание с юристами и политическими консультантами. Надо было еще раз пройтись по уязвимостям Орбитал. То, что угрозы Витмара были вполне реальными, он не сомневался. Осталось только оценить их риск и вероятный ущерб, а также выработать комплекс контрмер. Курц не был любителем политических интриг, но понимал, что без подковерной игры в таком проекте не обойтись. Поэтому надо было найти силу, способную противостоять давлению «жирных котов» с Уолл-Стрит.

Потенциально успешных вариантов противодействия было несколько. Из них наиболее реальных два. Первый был рассчитан на то, что проектом заинтересовался Белый дом. Там всерьез полагали, что близость теряющей популярность старичка-президента и энергичного Теона, ставшего иконой для нового поколения американцев, может кардинально улучшить рейтинги. На этом можно было сыграть, ведь, несмотря на влияние и политический вес, у Витмара должны быть враги, те, кто хочет сдвинуть группу старых, присосавшихся к долларовому печатному станку банкиров с позиций кукловодов в вашингтонском болоте. Курц даже предполагал, кто это мог быть. Он их называл «новые» – молодые агрессивные, рвущиеся к власти финансисты, сделавшие состояния на интернет-экономике и новых технологиях в биржевых спекуляциях. У этой относительно новой, но стремительно набирающей вес в американской политике группы были деньги, энергия и азарт. А еще у них была злость на то, что старые консервативные банкиры не хотели им уступать ни грамма территории и чинили всякие препятствия их неминуемому восхождению. За прошлые гадости они были готовы мстить. Надо было только аккуратно подсказать точку приложения этой мести.

Здесь большим плюсом могло оказаться то, что «новые» были одного с ним возраста и мыслили схожими категориями. Так же, как Курц, они были гениями и инноваторами, только в сфере финансов, поэтому вполне можно было рассчитывать на взаимопонимание. В конце концов их поддержку можно было просто купить, пообещав участие в Орбитал на льготных условиях. На вопрос почему они, а не Витмар, у Теона был простой, хоть и не совсем рациональный ответ. Старых пердунов, десятилетия жирующих у печатного станка Федрезерва и неуклонно толкающих экономику Америки к краю пропасти, надо было как минимум проучить. А лучше всего хорошенько ткнуть мордами в дерьмо, чтобы они попрытались по своим пыльным кабинетам и не стояли на пути прогресса.

Второй вариант был более сложный и требовал чрезвычайной осторожности. Основной его действующей фигурой был губернатор Калифорнии Ник Богарт. Курц хорошо знал этого молодого активного талантливого политика, прагматика, лишённого напускной псевдолиберальной пены, с устойчивым набором ценностей и горячий, по-детски наивной любовью к Аме-

рике. Не к теперешней, с горластыми нигерами, ЛГБТ, толпами иммигрантов на улицах, требующих для себя большего внимания, уважения и прав, и зажавшейся либеральной элитой, которой на все наплевать. А к той старой, в которой он вырос и пробился из самых низов на вершину политического олимпа. Несмотря на определенный консерватизм, унаследованный от традиционного воспитания в протестантской семье, в демократической партии он был восходящей звездой и основным кандидатом на пост президента или вице-президента на следующих выборах. Геронтократы, стоящие на верхушке партии, понимали, что от других туповатых политиков Богарта выгодно отличал еще и острый ум, способный выстроить долгосрочную стратегию спасения страны от неминуемого коллапса и конкретный поэтапный план ее осуществления. Поддержка фигуры такого уровня могла серьезно повлиять на баланс сил в случае, если Витмар перейдет к прямым действиям.

К тому же компании Теона и он сам были одними из основных налогоплательщиков в Калифорнии, потому что миллиардер намеренно не использовал серые схемы и не прятал прибыль в офшорах, а как честный американский бизнесмен платил все, что положено на территории США. В команде Богарта это ценили. Как и то, что в начале пандемии он потратил почти миллиард на закупку медицинской аппаратуры и средств защиты и передал это все медикам штата, не попросив ничего взамен. Именно с губернатора Теон решил начать подготовку почвы для противодействия давлению Витмара, пока Белый дом раскачивался в типичной для него полусонной манере.

Они встретились через пару дней на яхте губернатора, который решил провести уикенд с семьей на побережье. Пока обслуга на верхней палубе готовила барбекю, двое сыновей Богарта не отходили от Теона ни на шаг, выпытывая подробности нового проекта с астероидом. А когда? А он большой? А какие корабли? А пилоты будут? А как попасть к вам в астронавты? А как вы планируете добывать на нем золото? А Марс? С Марсом что? Видя, что губернатор с женой, улыбаясь, наблюдают, как два подростка мучают самого уважаемого и почитаемого после отца человека, Курц подробно отвечал на вопросы и даже нарисовал на салфетках пару схем, которые дети с благоговейным трепетом упаковали между страниц какого-то журнала, чтобы показать одноклассникам бесценный автограф всеми признанного гения.

Потом в тени навеса они пообедали превосходными стейками из американской мраморной говядины, выпили бутылочку красного калифорнийского. А вслед за ней еще одну. Когда жена с детьми пошла освежиться в небольшой бассейн на нижней палубе, мужчины уселись в шезлонгах под зонтиками с бутылочкой выдержанного виски.

Солнце перевалило зенит. С океана дул легкий освежающий бриз. Яхта медленно шла вдоль побережья, давая насладиться великолепными видами цветущего штата. Обстановка и настроение располагали к умиротворению и неспешной беседе о ничего не значащих приятных мелочах вроде гольфа, бейсбола или с каким красным лучше принимать мраморные стейки.

– Эх... Косячок бы сейчас еще, – Богарт лениво потянулся, положил ноги на парусиновый стульчик и с наслаждением сделал длинный глоток виски.

– Так за чем дело стало, – повернулся к нему Теон. – Это твой штат. Марихуана тут разрешена. Как раз в медицинских целях. Расслабишься после рабочей недели. Мозги прочистишь.

– Нет. Не могу. Жена косо смотреть будет. Дети опять же. Обслуга потом разнесет по всему побережью, что губернатор позволяет себе всякие вольности. А мне еще в президенты идти. Это ты можешь забить на всех. Помню-помню, как ты пару лет назад в прямом эфире кабельного канала паровозики пускал. Ха-ха! Вот была умора, – Богарт поднял бокал в приветственном жесте, они сделали по глотку, и губернатор, посерьезнев, сказал: – Ладно. Хватит о травке. Рассказывай, с чем пришел.

– Понимаешь, Ник. Этот астероид... Если все пойдет, как я планирую, это будет реальный прорыв. Их можно будет таскать на орбиту пачками. Человечество получит практически неиссякаемый источник ресурсов.

– Это точно. Как говорится, фантастика станет явью.

– Тут как раз и кроется проблема. Я хочу притянуть на орбиту всего лишь небольшой камень 320 на 150 метров. Но и в нем на триллионы долларов золота, платины и других металлов. А ведь есть астероиды по несколько десятков или даже сотен километров в диаметре. Там ресурсов на квадриллионы.

– И прекрасно. И флаг тебе в руки. Добывай на здоровье. Лишь бы все на пользу человеку шло. Ну и на благо Америки.

– Не все так просто, – покачал головой Теон. – Я тут пару дней назад встречался с одним очень важным финансистом. Так он говорит, что свободный доступ к такого рода ресурсам может обрушить финансовую систему. Золото обесценится из-за избытка предложения, металлы станут дешевле, доллар упадет. Короче, полный коллапс наступит.

– Знаешь. Я тоже об этом думал. Тут надо очень четко расставить приоритеты. Что важнее? Поступательное развитие, прогресс страны, человечества, освоение космоса и новые технологии, открывающие новые перспективы. Или возможность кучки разжиревших ленивых банкиров доить дышащую на ладан долларовую систему. Для меня ответ очевиден. Я за прогресс и развитие. Мы итак уже отстаем от Китая. Доллар все равно рухнет. К такому обвалу уже идет усиленная подготовка. Только это между нами, – губернатор оглянулся по сторонам с настороженным видом шпиона из дешевого боевичка. – А финансовая система... Да и хрен с ней. Либо она адаптируется к новым условиям, либо мы выстроим новую. У нас самая сильная экономика в мире. Она только выиграет, если мы вычистим из нее ничем не обеспеченные десятки триллионов спекулятивного капитала. Реальный сектор мы в любом случае обязательно поддержим. Надо только вернуть законы свободного рынка, которые похерили те самые банкиры. Так что меня абсолютно не пугает, если твой проект спровоцирует финансовую перестройку. Я буду даже рад. Эту страну давно надо хорошенько встряхнуть, а то она окончательно превратится в загнивающее болото. Правда, сделать это ой как непросто.

– В этом-то и проблема. Финансисты не заинтересованы в добыче ресурсов на орбите. Более того, они считают мой проект угрозой и наверняка постараются его заблокировать.

– Эти могут, – понимающе кивнул Богарт. – У этих хватит денег и влияния в Вашингтоне. С кем ты говорил?

– С Витмаром.

– Да... Тот еще персонаж. Если он сам вышел на тебя, значит все максимально серьезно.

– Не сомневаюсь, – Теон сделал глоток виски и посмотрел на губернатора. – Поэтому и пришел к тебе как к приятелю за советом.

– Сам-то что думаешь?

– Думаю, если будут давить, свалю, нахрен, из Штатов. У меня в Орбитал шейхи в доле. Перееду в Дубай.

– И много арабы дали?

– Я рассчитывал на двадцать миллиардов. С правителей собрал шестнадцать еще четыре предоставит один частный инвестор. Причем, что интересно, шейхи согласились дать деньги под бесприбыльную марсианскую программу. Ну а частный инвестор – конкретно под астероид.

– Не понимаю. Цена на нефть сейчас не на том уровне, чтобы деньгами разбрасываться. Положение у них в экономиках не то, что раньше. Какой им смысл тратить средства на твой Марс?

– Престиж. Слава. Почет и уважение. Национальная гордость. Это на Востоке очень много значит. Правители хотят, чтобы их флаги были на моих кораблях и на Марсе. Чтобы их принцы были в экипажах. Чтобы они имели монопольное право на телетрансляции у себя дома. Поэтому и раскошелились. Ну а сейчас, когда их капитал в Орбитал, они, конечно, получают свою долю. Неожиданный и очень приятный бонус. А частник, – Теон на секунду умолк, вспо-

миная свои ощущения от беседы с Мади. – Частник в проекте конкретно ради денег. Его Марс ни разу не интересует. Только ресурсы с астероида. Правда, тут тоже без восточных понтов не обошлось. Он хочет, чтобы астероид назвали его именем и чтобы в экипаже, который полетит к нему, был его племянник. Так что, как видишь, подвязки у меня в Заливе плотные. Если что, сверну, нахрен, здесь операции и переведу все туда. Построю космодром, десяток заводов. Налогов в Дубае почти нет. Бизнес-климат – один из лучших в мире. Напрягов, кроме дорогого алкоголя и полного запрета на травку и шлюх, никаких. Так что я вижу сплошные плюсы.

– Ты это брось, – недовольно повел плечами губернатор. – В Дубай он уедет. Мы тебя в Калифорнии в обиду не дадим. У меня самый богатый штат в Америке. Будь он отдельной страной, то входил бы в пятерку крупнейших экономик мира. Если начнут щемить в Вашингтоне, я возьму тебя и все твои компании под свою юрисдикцию. Федеральное устройство у нас еще никто не отменял, так что у меня достаточно полномочий.

– Биржа-то в Нью-Йорке. Работать не дадут.

– Так сделай IPO в Европе или в Азии. Я не сильный спец, но, думаю, это возможно. Тебе ведь без разницы, откуда деньги идут. А вот когда ты скажешь, что уходишь на другую биржу из-за того, что тебе, такому прогрессивному, не дает здесь работать кучка банкиров, тогда мы и навалимся на них всем весом. Я подниму Конгресс, общественное мнение, Белый дом. Как так? Такого красавца хотят задушить «жирные коты» с Уолл-Стрит. Да так, что самый богатый человек в мире может вывести свои активы и инновационные проекты из США. Какой сигнал это даст остальным? Думаю, полностью задавить Витмара и компанию не получится, но смягчить их позицию и найти устраивающий тебя компромисс мы сможем.

– Спасибо за поддержку, Ник, – миллиардер поднял бокал. – Буду благодарен.

– Я потом тебе о благодарности напомню, – хитро подмигнул Богарт. – Когда первое золото из твоего астероида окажется на рынке. Даже раньше, когда я на следующих выборах пойду в Белый дом.

– Можешь даже не сомневаться. А пока я буду держать тебя в курсе. Если возникнет напряжение, встретимся еще раз. Кстати, меня в Белый дом приглашают с президентом пообщаться.

– Ну вот видишь. Там тоже не полные идиоты сидят. Понимают твою ценность как личности и ценность твоих идей и проектов. Ты пока пообщайся со стариком. Он все равно там ни хрена не решает. Тем временем я аккуратно поговорю с вице-президентом. Эта сучка хоть и туповата, но должна понимать, какую ценность ты представляешь для ее администрации и для страны в целом. А нет, так я ей на пальцах все объясню.

В общем, Теон остался доволен разговором. Поддержка губернатора Калифорнии могла очень помочь, если противостояние с Витмаром перерастет в острую фазу. Теперь оставалось ждать встреч в Белом доме. Тогда расклад окончательно прояснится.

* * *

Не успел Миша Коган согласовать с начальством структуру своего отдела, как пришло объявление о том, что Теон покупает небольшую компанию, работающую при Массачусетском технологическом институте над конструкцией космического буксира. Сразу за этим он узнал, что для дальнейших работ по этому направлению в структуре Альфа Орбитал создается отдельный исследовательский центр и он со своими людьми переходит туда.

По сложившемуся обычаю, Теон закатил по этому поводу вечеринку на побережье для конструкторов и инженеров. Вторую за неделю. У Миши могло бы сложиться впечатление, что в Альфе все постоянно бухают и никто не работает, если бы он сам не видел, что конструкторы сидят в офисе по 10-12 часов и еще берут работу домой на выходные. Народ конкретно был заведен до упора идеями Теона и готов был работать на износ, лишь бы выдать результат. Такой уровень мотивации был довольно непривычным для российского конструктора, привыкшего к спокойной, размеренной, даже немного сонной жизни московского исследовательского инсти-

туда. Но земляки, с которыми он общался, сказали, что втянуться в такой режим легко. Особенно если часто общаться с боссом.

Для самого богатого человека в мире, владельца десятка успешных компаний и гениального инноватора Теон действительно вел себя крайне необычно. Он ходил по центру в простых джинсах, кроссовках и свободной рубашке, пил кофе с уборщиками и охраной, отпускал сальные шуточки, на которые немногочисленные сотрудницы совсем не обижались. То есть был прямой противоположностью образа небожителя, который старательно проецировали другие миллиардеры его уровня. Денег он на людей не жалел. Условия для работы были идеальными. В офисе бесплатная еда и напитки, свободный график, расслабленная, почти семейная атмосфера. И все это ради одного – результата. Если его не было, значит, команда не справлялась и Курц не раздумывая ее менял, набирал новых специалистов со свежими мыслями и подходами.

Но результат был. Об этом красноречиво говорили ошеломительные успехи Альфы – единственной частной космической компании, доведшей свою программу до уровня регулярных серийных стартов.

Вот и на этот раз во время пляжной вечеринки Теон, представив ребят из МТИ, до полуночи ходил с бокалом вина среди сотрудников центра, болтал ни о чем, шутил, смеялся и, только когда начался фейерверк, незаметно исчез в сопровождении пары охранников. Хорошо, что вечеринка была в пятницу и завтра можно было поваляться в постели, потом позавтракать у бассейна, погреться на солнце, а вечером сходить куда-нибудь поужинать.

К работе Коган еще толком не приступил. Так что домой на выходные брать было нечего, но он все равно проводил пару часов за компьютером, по памяти выстраивая чертежи энергодвигательной установки и подробно описывая концептуальные решения, на которых был выстроен его ионный двигатель с уникальной системой охлаждения.

На следующее утро Миша проснулся с легкой головной болью. На вечеринке не было крепкого спиртного. Зато вино, пиво и сидр лились рекой. Он не привык к такому количеству легкого алкоголя и незаметно перешел невидимую границу трезвости. Хорошо, что подруга была рядом и вовремя отвезла его домой. Если бы не она, то в понедельник наверняка было бы стыдно смотреть коллегам в глаза. Яночка вообще очень неплохо вписалась в новую жизнь. Перезнакомилась с русскими женами и проводила в их компании большую часть времени, оставшуюся от дистанционного управления своей московской фирмой и уроков английского, на которые она сразу же записалась.

– А-а-а... – простонал Миша из-под шелковой простыни, повернулся на спину и приложил ко лбу оставленную с вечера на тумбочке банку с колой.

– Ну ты наркот, – сидящая у косметического зеркала Яночка бросила на него укоризненный взгляд. – Я просто хренею с Теона. Вторая пьянка за неделю. Когда он вообще работает? Если так дальше пойдет, ты тут у меня совсем сопьешься.

– Я сам фигею, – он сел в кровати, пшикнул банкой и сделал несколько глотков. – Теплая. Фу, гадость какая. Пойду в душ, потом в бассейн отмокать.

– Давай-давай, алкоголик. А я пока завтрак сделаю.

– И пиво холодное.

– И пиво холодное, – передразнила его подруга.

В пятницу днем они отпустили горничную, чтобы побыть одним и насладиться ленивым уикендом. Поэтому Яночка сама быстро сделала яичницу с беконом, тостами и сладкой фасолью, которую Миша тут же с жадностью проглотил и, запив завтрак пивом, расплылся в довольной улыбке абсолютно счастливого человека. Потом они валялись до обеда у бассейна, пока их не сморил сон. Поспав пару часов, они подождали, когда немного спадет жара, вызвали такси и выбрались в город. Походили по главной торговой улице. Свернули в парк. Посидели на траве в тени раскидистых платанов, наблюдая за праздной пикникующей публикой. Потом, проголодавшись, решили поужинать.

На краю парка как раз было организовано что-то вроде фудкорта на открытом воздухе. Около десятка шатров с различной едой, вокруг которых группами стояли простенькие пластиковые столики и дымились манящие ароматами грили. Вид и аромат готовящихся на углях ребер, стейков и огромных шампуров с овощами пробуждал зверский аппетит. Миша, вспомнив, что не ел с утра, не выдержал и потянул Яночку к этому празднику чревоугодия.

Они уселись за свободный боковой столик и заказали свиные ребра с печеной картошкой и овощами и огромный кувшин местного слабенького холодного пива. Услужливый, постоянно улыбающийся официант, судя по виду, явно эмигрант из Мексики, принес еще комплимент – тарелку начос¹⁵ с соусом, так что парочка, наполнив бокалы пенным, дружно захрустела чипсами, рассматривая публику.

В Сан-Хосе и вообще в Калифорнии было довольно много выходцев из Латинской Америки. Сказывалась близость мексиканской границы. Но тусовались латиносы в основном по окраинам, где и цены пониже, и полиции поменьше, да и этнический и социальный состав подходящий. В центральном парке, где сейчас ждали своего ужина Яна и Миша, отдыхала преимущественно богатая ухоженная белая публика. Группки молодежи, родители с детьми и просто одинокие горожане расположились прямо под деревьями на газоне. Кто-то достал нехитрый сэндвич с колбой или термос с кофе, кто-то разложил полноценный пикник с вином и фруктами, кто-то просто лежал на траве, подставив лицо мягкому закатному солнцу. Было и несколько групп черных. Они держались особняком, нарочито громко разговаривали, жестикулировали, включали через мобильные колонки на всю катушку назойливый рэп. Тогда к ним подходил кто-то из служащих парка и просил убавить звук. Покричав и поругавшись, негры выполняли требование, и над лужайками снова воцарялся покой. Одна из таких шумных компаний из четырех негров сидела за столиком у соседнего шатра. Пили пиво с чипсами, орали что-то друг на друга. Потом вступили в перепалку с посетителями и поваром.

Официант как раз принес Мише с Яной большую тарелку ребер и, увидев, как они заинтересованно наблюдают за тем, что происходит в соседнем кафе, извиняющимся тоном сказал:

– Нигеры совсем страх потеряли. Ведут себя, как будто все им должны.

– Почему? – спросил Коган.

– Это BLM¹⁶. Активисты, наверно. Теперь белые должны перед ними стоять на коленях за то, что они когда-то были рабами. Сейчас эти ребята перебрали пива и буянят. Не хотят рассчитываться.

– Понятно, – Миша потерял интерес к происходящему и переключился на обильно политые соусом барбекю, исходящие ароматным дымком ребра.

Тем временем компания все-таки расплатилась с официантом, в голос обматерила всех посетителей, вышла из кафе и двинулась вдоль фудкорта в их направлении. Когда они проходили мимо их столиков, жирная, с гротескно затянутым в обтягивающие лосины толстым, обвисшим задом афроамериканка повернулась в их сторону и прокричала:

– Fuck you, белые свиньи! Скоро вам, расистам, всем конец. Калифорния будет черным штатом.

– Сама иди в жопу, жирная свинья, – ответил молодой парень с соседнего столика.

– Вы слышали! – завизжала нигерка. – Он назвал меня свиньей! Расист! Белая мразь! Ты заплатишь за наше рабство, – она подбежала к столику парня, схватила бокал с пивом и, расплескивая его себе на итак несвежую майку, одним махом выпила под гогот и одобряющие крики своей компании.

¹⁵ *Закуска мексиканской кухни, тонкие кукурузные чипсы с различными добавками.*

¹⁶ *Black Life Matter – черные жизни имеют значение. Движение за права темнокожих.*

Миша при виде этой сцены замер от удивления со свиным ребром в руке и открытым ртом, набитым картошкой. Поза его была, наверное, настолько нелепа, что черная толстуха ее заметила и закричала:

– А ты что вылупился! Тоже расистская свинья! Мы вас всех поставим на колени, – она подскочила к их столу и протянула руку к Янинному бокалу с пивом.

То, что произошло дальше, заставило Когана поперхнуться. Яночка, которая сидела полубоком, молниеносным броском прихватила сверху тянущуюся к ее пиву ладонь и резким движением отвела вниз и назад. Нигерка завизжала от боли и, выпучив глаза, упала на колени перед их столом.

– Яна! Ты что творишь, – ошеломленно спросил Миша по-русски.

– Нехрен лезть. Пусть знает свое место. А ее место на коленях, – она чуть повела вывернутую ладонь назад, и толстуха еще громче заверещала от боли.

В этот момент к столику подскочили черные парни из ее компании, но вместо того, чтобы наброситься на парочку, они схватили свою визжащую подружку под локти и, лопоча «Chechen. Chechen. Russians»¹⁷, потащили ее прочь от фудкорта. Та, еще немного покричав, побрыкавшись для приличия и плюнув несколько раз в сторону Мишиного стола, успокоилась, и вся компания, притихнув, быстро удалилась.

– Ну, и что здесь, нахрен, происходит? – раздался со стороны барной стойки грубый голос со знакомым акцентом, который на английском языке звучал чрезвычайно колоритно.

Все еще в шоке от произошедшего, Миша повернулся и увидел коренастого крепыша в лицевой маске, поварском фартуке и небольшой белой шапочке с надписью «шеф», из-под которой выбивались седые волосы.

– Все рассосалось, босс. Нигеры к посетителям приставали, – сообщил официант. – Так вот эта молодая леди одну толстую на колени поставила. Прямо как в кино – раз за руку. А та – бац на колени и давай верещать. И еще, босс. Она вроде русская.

– На колени, говоришь. Русская, говоришь, – шеф снял маску, и парочка узнала характерные для жителей Кавказа черты лица. – Вы откуда, ребята? – спросил он по-русски.

– Из Москвы, – пролепетал Миша и не нашел ничего лучше, как задать вопрос: – А вы откуда?

– А я из Сан-Хосе. Ах-ха-ха! – в голос засмеялся тот, вытирая руки полотенцем. – Шучу. Не мог удержаться. Все спрашивают, откуда. А я им – из Сан-Хосе. Ах-ха-ха! А вообще я из Абхазии. Лег двадцать пять уже тут живу. Переехал, когда там стрелять начали.

– Я слышала, черные говорили «Chechen, Chechen», – подозрительно посмотрела на него Яна.

– А для них все мы на одно лицо. Все чеченцы. А чеченцев нигеры ох как боятся. Они с мексами¹⁸ весь город держат. Можно, – он, не дожидаясь ответа, снял фартук, бросил его официанту, отодвинул стул и присел за их столик. – Так как вы эту жирную свинку на колени поставили?

– Даже не знаю, – Яна с виноватым видом опустила глаза. – Как-то само получилось. Она хотела схватить мое пиво.

– Скромная? Это хорошо, – расплылся в улыбке абхазец и протянул Мише руку. – Я Ваха. У меня тут три небольших ресторана. Ну как ресторана – стрит-фуд, барбекю, картошка. Но бизнес идет неплохо. На жизнь хватает. А вы какими судьбами тут?

– Мы это... В космическом научном центре работаем, – помявшись, ответил Миша. – Недавно из России перебрались.

¹⁷ Чеченцы. Чеченцы. Русские.

¹⁸ Мексиканцами.

– У Теона? Повезло. Хороший он парень. Не обижают. Я пару раз готовил барбекю для его вечеринок. Ну и отрываю эти ученые, я вам скажу, – он сделал знак официанту, тот на минуту исчез и появился с хрустальным графином и длинными стопками. – Давайте за знакомство. Это чача. Сам делаю. Из местного винограда, но по рецепту предков. Зовут-то вас как?

– Я Михаил, а это Яна, – Коган взял рюмку и с опаской понюхал.

– Ну, Миша и Яна – за знакомство! И, как говорится, – велком ту ю-эс-эй¹⁹.

Ваха оказался добродушным весельчаком, готовым, по его словам, оказывать самые разные, порой даже не совсем легальные услуги вроде поставок собственного алкоголя и немаркированной травы. Они поболтали минут десять. Потом подошла компания подростков, и абхазец, оставив свою визитку, вернулся к грилю готовить очередную порцию фирменных бургеров. Когда пришло время рассчитываться за еду, официант отказался брать деньги, сказав, что все за счет заведения в знак дружбы от хозяина.

После этого странного инцидента гулять по городу больше не хотелось. Миша с Яной поймали такси и вернулись домой. По ставшей уже привычной вечерней традиции перед сном они зажгли неяркую подсветку у бассейна и устроились на шезлонгах послушать цикад с бокалами джин-тоники.

– Ян, что это было? – спросил Коган, вспоминая молниеносное, почти автоматическое движение подруги, когда она схватила нигерку за руку и опустила ее на колени.

– Ты про что?

– Ну там, в кафе. Когда ты за руку эту, и на асфальт... Ты что, тренировалась? Типа каратэ?

– Да какое каратэ, – отмахнулась подруга. – Я в Москве ходила на фитнес. Там есть такая программа вроде имитации кикбоксинга – кик-фитнес, или фитнес-бокс. Ну, типа, те же движения, только под музыку и для девушек. Прикольно так. И инструктор есть. Большой мастер. Говорит, на арене призы брал. Так он для тех, кто хочет, показал пару приемов самообороны. Вот дай руку.

– Ага, – Миша с опаской взглянул на подругу. – Чтоб потом меня на колени.

– Ну что ты, милый, – она придвинулась к нему ближе и поцеловала его в щеку. – Тебя нельзя на колени. Ты же гений. От тебя теперь зависит, полетит Теон на Марс или нет.

– Вот-вот, – важно надул щеки Коган. – Так что береги меня.

– А я чем занимаюсь. Чернушку вот отогнала, чтоб она пиво наше не выпила. Но хрень тут творится с черными конкретная. Судя по тому, как они себя ведут, оборзели полностью. Надо нам быть осторожнее.

На следующий день на работе Миша рассказал об инциденте в парке Гору, Егору Серову, которого тоже перевели в Орбитал для работы над жилым блоком, где должны будут жить астронавты во время сборки буксира на орбите.

– Херасе! – тот немного удивленно посмотрел на коллегу. – Только приехал, а уже встрял в историю. Ты с нигерами поосторожнее. И нигерами или черными их не называй. Это для них расистское оскорбление. Они теперь афроамериканцы, чтоб их. Лучше всего держись от них подальше. А тебе что, Аджай нашу эмблему не дал?

– Какую эмблему?

– Вот, – Гор достал из кармана круглый значок, на котором красовалась эмблема Альфа Спейс.

– Нет, – покачал головой. – А что в ней такого?

– Теон типа откупился от нигеров. Чтобы они не напрягали ни научный центр, ни его сотрудников. По местным законам, мы должны нанимать как минимум треть черных. А нах

¹⁹ *Welcome to USA – добро пожаловать в США.*

они нам? Балласт один бесполезный. Среди них не то что ученых, образованных людей почти нет, тем более по профилю. Одна гопота, наркоманы, бездельники и обдолбыши неграмотные. Так босс местному БЛМ заплатил бабла, чтоб не лезли. Поэтому теперь он вроде как их друг. Ну и мы тоже. Если ты будешь в городе носить эту эмблему, тебя черные не тронут.

– Выходит, это защита покруче чеченцев?

– Кого? – поднял брови Гор.

– Чеченцев. Когда мы с Яной заговорили по-русски, черные тут же оттащили свою толстую и лепетали «чечен, чечен». И Ваха сказал, что чеченцы тут город держат.

– Так вы у Вахтанга сидели!

– Ну да. Он Вахой представился. Чачи налил. И денег не взял за пиво и еду. Он про чеченцев и сказал.

– Понятно. Это вы удачно попали. Ваха тут среди наших личность известная. Уважаемый авторитет. Кухня у него – пальчики оближешь. Еще он неофициальный поставщик чачи и всяких последних новостей. Но это все фигня. Ширма. Мне кажется, что он здесь в топах у кавказцев ходит. В Сан-Хосе мощная кавказская диаспора: чеченцы, даги, кабарда, осетины с абхазами. Грузин много. Держатся вместе, как землячество. Вначале они резались с мексиканцами, а потом вроде объединились против черных и мочат их при первой возможности. Поэтому нигеры их и боятся. Как услышат русскую речь, так сразу тухнут.

– Ты прям спец по местному криминалу.

– А то, – расплылся в улыбке Гор. – Я уже три года здесь. Ваха мне по уикендам доставку для шашлыков делает. И чачу, и барашка. Так что я все новости знаю. А к Аджая ты за значком сходи. И шефу безопасности центра сообщи об инциденте. Так, на всякий случай. Вдруг черные в полицию заявят.

– А могут? – насторожился Коган.

– Могут. Это Америка, детка. Здесь судиться друг с другом – национальный спорт. Тем более вы применили насилие. Да еще белый против нигера. Тут можно при желании такое раздуть.

Последовав совету, Миша заскочил к директору, получил у ассистента пару значков для себя и Яны. Потом – к шефу службы безопасности, который зафиксировал инцидент в журнале, сказал, что беспокоиться не о чем, и вручил памятку для приезжих, как вести себя в Сан-Хосе, куда ходить, кого избегать. Довольный тем, что его успокоили по поводу полиции, Коган наконец добрался до своего кабинета и открыл компьютер. Там висело сообщение от Гора с копией визитки Вахи и парой фотографий аппетитных бараньих ребрышек и запотевшего, пускавшего на солнце зазывные лучики графина золотистой жидкости, которая, по-видимому, была чачей.

Объединенные Арабские Эмираты. Дубай

Племянника Мади Сахим бин Малика звали Берни Роджерс, что было совсем не удивительно. Западные имена и фамилии были широко распространены в Ливане, который после Первой мировой войны почти двадцать лет находился под Французским мандатом. Не стоило удивляться и тому, что это было ненастоящее его имя. По рождению ему дали имя Бернар, а фамилию Роже он принял от отца, в котором была добрая половина французской крови. Позже при получении паспорта молодой человек стал Бернардом Роджерсом для того, чтобы легче вписаться в жизнь американского университетского кампуса и не привлекать внимания своим нарочито французским именем. Возможно, это было лишним. Паренек выглядел, как европеец, свободно говорил на трех основных европейских языках и регулярно ходил в церковь как истинный католик.

Молодой Берни успешно закончил инженерный факультет Технологического института Джорджии и, проявив себя как прилежный студент с большим потенциалом, получил место младшего научного сотрудника в институтском исследовательском центре новых технологий.

Там он проработал три года, набил руку на научной работе, защитил диссертацию по нейросетям и комбинированным платформам для искусственного интеллекта и, получив самые положительные рекомендации, перебрался в Швейцарию в Федеральный институт исследований искусственного интеллекта. Именно оттуда молодой человек и прилетел в Дубай к своему богатому и влиятельному дядюшке, как только тот его позвал.

Нестерпимая даже для привыкших к пустыне арабов дневная жара спала, но солнце еще щедро источало тепло, которое не удавалось сбить даже устойчивому бризу, дующему с залива. Мади и Берни сидели в беседке и молча курили кальян. Пожилой влиятельный, умудренный опытом, побитый всеми ветрами жизни теневого банкир и молодой, полный энергии и решимости ученый думали об одном. Несколько минут назад Мади закончил рассказывать племяннику о своей сделке с Теоном. Тот был поражен и восхищен размахом мысли своего дядюшки, но одновременно озадачен сложностью проекта и сопровождающими его рисками. Он попросил пару минут подумать перед ответом и теперь не спеша листал на своем смартфоне странички с описанием космического буксира, составляющих его технологий и последних новостей о компании Орбитал, в которую его уважаемый родственник инвестировал миллиарды.

Такой вдумчивый подход нравился Мади. Он полулежал на мягких подушках, не спеша попыхивал кальяном и сквозь полуприкрытые веки наблюдал за племянником. Последний раз он видел его года два назад сразу после переезда в Швейцарию. Тогда они провели вместе несколько дней. Гуляли по городу, съездили на прогулку в горы. Потом наняли частный катер и целый день плавали по Женевскому озеру, наблюдая мирную, спокойную и благополучную жизнь, размеренно текущую вокруг. Много говорили. Рассуждали. Даже иногда спорили. Берни почти семь лет был на чужбине и остро нуждался в наставнике, готовом поделиться своим опытом, указать верный путь и поддержать веру. С тех пор юноша повзрослел, возмужал и превратился в уверенного в себе молодого человека. Он не отличался крепким телосложением, но было заметно, что его тело, жесткое и прочное, как высушенный на солнце пустынный джужгун²⁰, готово к самым серьезным нагрузкам. Теперь оставалось только выяснить, сможет ли выдержать испытания его дух.

Наконец Берни выключил смартфон, аккуратно упаковал его в блокирующий сигналы футляр и посмотрел на наставника полным решимости взглядом.

– Azizi malmeh, vkhra aaltena²¹, – он чуть склонил голову, выказывая свое почтение. – Я готов выполнить свое предназначение. Inshallah²²...

– Я не ожидал от тебя другого ответа, – довольно кивнул Мади. – Твой путь будет долгим и полным трудностей, а в его конце ждет неизвестность. Уверен ли ты, что выдержишь все испытания? Один в безбрежном холоде космоса среди чужаков? Уверен ли, что твое тело готово к такому дальнему походу? Что в критический момент ум не подведет и воля будет крепка, как сталь наших великих предков.

– Уверен. Я занимаюсь физическими упражнениями каждый день и три раза в неделю даю себе интенсивные нагрузки в спортзале. У меня идеальное здоровье. Я вынослив, ловок и силен. Так что я не сомневаюсь, что медкомиссию для космического полета пройду без проблем. А мой разум и дух укрепит вера и сознание того, что я являюсь продолжением вашей воли.

– Это слова не юноши, а опытного мужа. Достойного представителя своего рода. Пойдем в дом. Я расскажу тебе подробнее о миссии на астероид. До вечернего намаза мы еще успеем обсудить твое место в экипаже и возможные круги обязанностей, которые я сегодня же обсужу

²⁰ Кустарник, произрастающий в Аравийской пустыне.

²¹ арабск. Уважаемый наставник, гордость нашего рода.

²² арабск. Если на то будет воля Аллаха.

с Теоном, – банкир сделал знак стоящей чуть поодаль девушке в легком брючном костюме, и та, пододвинув к губам усик гарнитуры, отдала короткую команду.

– Кто это? – поинтересовался племянник. – Она красива, как наложница. Но держится, как королева.

– Это Джейн. Во всяком случае, это самое близкое, что я нашел по звучанию к ее русскому имени Женья. Она моя помощница и ангел-хранитель.

– Как вы можете доверять иноверцу? – удивился Берни.

– После того как я спас от верной смерти ее отца, ее жизнь принадлежит мне. Хотя иногда мне кажется, что это моя жизнь теперь принадлежит ей.

– Вы не рассказывали.

– Это было в прошлой жизни. Когда-нибудь обязательно поведаю эту историю. Я чуть позже познакомлю тебя с Джейн. Она полетит в Штаты вместе с тобой и будет рядом в качестве подруги и помощницы. Я не хочу тебя отправлять на чужбину одного, а арабка привлечет много ненужного внимания. Джейн европейка, свободно говорит на нескольких языках, хорошо подготовлена и обучена лучшими специалистами. Она будет хорошей спутницей и поможет в трудную минуту.

Племянник в учтивом согласии склонил голову, краем глаза внимательно рассматривая девушку. Он остался доволен тем, что увидел. Такая красивая и статная подруга – мечта любого мужчины.

Следующие несколько часов они провели в прохладной полутьме кабинета. Там Мади с методичностью хорошо подготовленного презентера выводил на стеновой экран слайды, описывающие детали миссии к астероиду. После общей информации об Орбитал, технических деталях космического буксира и предполагаемой структуры миссии он перешел к возможным вариантам подбора экипажа по специальностям. Здесь оказалось, что Берни как нельзя лучше подходит под бортиженера по электронным системам. Он был отличным программистом и специалистом по нейросетям и искусственному интеллекту и вполне мог взять на себя в экипаже эту роль, а позднее перейти в Центр управления полетами в секцию телеметрии и дистанционного управления. Обе позиции были ключевыми на своих этапах и давали возможность непосредственно влиять на ход миссии.

Перед самым закатом Мади с племянником покинули кабинет и неспешно направились по обсаженной магнолиями и пальмами аллее в восточную часть имения. Там на фоне опускающегося в спокойные воды залива солнца возвышался увенчанный позолоченным полумесяцем минарет личной мечети хозяина. Нужно было посвятить несколько минут общению с Всевышним. Чтобы направил. Чтобы укрепил волю. Чтобы очистил разум и дал сил для предстоящего великого дела.

США. Калифорния. Сан-Хосе

После встречи с губернатором Калифорнии Теону пришла в голову мысль о том, что неплохо бы каким-то образом оформить права собственности на астероид. Оказалось, что его юристы уже занимаются этим и даже выработали алгоритм действий. Чтобы запустить его, оставалось лишь получить личное разрешение босса. Дело в том, что в открытом доступе до сих пор не было информации о том, какой именно астероид Курц собирается доставить на орбиту. Известны были только общие параметры вроде веса в сотни миллионов тонн, диаметра в несколько сотен метров и, конечно, ориентировочной стоимости ресурсов в пять триллионов долларов. Под такое описание могли подойти несколько десятков небесных тел, периодически пересекавших орбиту Земли. Поэтому журналисты и следящие за успехами Теона энтузиасты не слишком заморачивались вопросом, какой именно из них является целью Орбитал. Для них важен был сам факт скорого применения технологии будущего из фантастических романов таким колоритным и харизматичным персонажем, как Курц.

Оказалось, что регистрация небесных тел и заявление права собственности на них или участки на их поверхности процесс неотработанный и, по большому счету, неформальный. Общеизвестного межгосударственного законодательства на эту тему не было, поэтому все на основе консенсуса пользовались международной коммерческой системой IDP&ELC²³, на базе которой строились многочисленные национальные каталоги. Здесь возникали определенные риски. Несмотря на закрытость и продуманную политику конфиденциальности этой частной американской структуры, существовал шанс утечки информации об астероиде Теона, которая на данный момент была нежелательна. К тому же, чтобы зарегистрировать небесное тело в системе, нужно было получить согласие обнаружившей его обсерватории. В том, что ученые будут молчать на фоне развернувшегося общего ажиотажа вокруг темы, уверенности тоже не было никакой.

Тем не менее вопрос с легализацией прав стоял остро. Если Витмар узнает, на какое конкретное космическое тело нацелилась Орбитал, то наверняка предпримет меры по блокированию права его использования. Поэтому, несмотря на риски, было принято решение действовать.

Чтобы запутать и сбить со следа противников проекта, Теон поручил юристам начать регистрацию сразу двух десятков небесных тел. К тому же провести ее не только через IDP&ELC, но и через действующую в США систему оформления титульных прав на земельные участки.

В реальности его интересовал лишь один объект – небольшой астероид, носивший в базе небесных тел номер (436724) 2011 UW168. Этот камень размером 320 на 150 метров и весом около 100 миллионов тонн был открыт размещенным на Гавайях телескопом американской обсерватории Pan-STARRS²⁴ в октябре 2011 года. В 2015 он прошел довольно близко от Земли, что позволило изучить его состав с помощью спектроскопии и обнаружить там высокую концентрацию никеля, металлов платиновой группы, железа, золота и редкоземельки. Если спроецировать плотность полезных минералов с изученных участков поверхности астероида на его объем, получалось, что он несет ресурсов как минимум на пять триллионов долларов.

Ученые, открывшие это небесное тело, повздыхали, поохали и забыли, поставив его на контроль как объект, потенциально опасный в плане столкновения с Землей. Информации в СМИ о UW168 почти не было, так что внимания он к себе не привлек никакого даже в среде энтузиастов-любителей, отслеживающих угрожающие нашей планете астероиды. По какой причине такое неприметное небесное тело стало объектом интереса Мади Сахим бин Малика, оставалось загадкой, как и то, каким образом он связал с ним новые технологии космического буксира, оказавшиеся в распоряжении Теона, и вышел на вполне осуществимый проект.

Теон часто прокручивал в памяти тот разговор в день их первого знакомства. Из тенистой беседки под пальмами они перебрались в кабинет. Там на широком стеновом экране уже крутилась картинка вращающегося в космической пустоте камня. Слева и справа в разных окнах были выведены его характеристики и несколько динамических схем, показывающих с разных ракурсов орбиту астероида. Все выглядело очень профессионально. Почти как небольшой центр управления полетами. Не менее содержательным было и изложение Мади его идеи. Все заняло минут десять, не больше, но Теон тут же загорелся проектом. Еще бы – он не только давал возможность обкатать технологию космического буксира и решал проблему финансирования марсианской экспедиции, но и открывал совершенно новую, захватывающую своим

²³ *International Database of Planets & Extraterrestrial Land Claims – Международная база данных небесных тел и заявок на их поверхность.*

²⁴ *Panoramic Survey Telescope and Rapid Response System – американская сеть телескопов панорамного обзора и быстрого реагирования.*

размахом тему добычи ресурсов на орбите. Курц очень любил такие фантастические проекты, поэтому с готовностью принял в разработку предложение Мади.

Пара дней ушла на то, чтобы прогнать идею через специалистов Альфа Спейс, чтобы проверить ее на реализуемость. На это время Теон оставил шикарную виллу и вернулся в резиденцию, предоставленную ему шейхом. К концу второго дня директор Альфа Спейс сообщил, что при наличии космического буксира с ионным двигателем идея притянуть астероид на орбиту вполне осуществима. С этой новостью он вернулся к Мади и провел с ним предварительные переговоры по деталям его участия в проекте. Они были вполне разумными. Теневой банкир рассчитывал на долю прибыли пропорционально его финансовому участию в новой кампании. Были и еще два условия. Араб хотел, чтобы астероид был назван его именем, и чтобы в экипаже корабля, который полетит к нему, был его родственник.

– Зачем вам это? – спросил тогда Теон, который не ожидал, что Мади рассматривает проект как нечто личное, близкое к сердцу, а не просто возможность значительно приумножить капитал.

– Я стар, – банкир с грустным вздохом провел ладонями по лицу, как обычно делают мусульмане, закончив молитву. – Сколько мне еще осталось до встречи со Всевышним. Пять лет? Десять? Я часто размышляю над тем, что останется после меня. Я хочу, чтобы люди, глядя на астероид, вспоминали мое имя. Чтобы они знали, что Мади Сахим бин Малик помог изменить мир. Возможно, даже открыть новую страницу его истории. Знаю. Тщеславие – грех. Но я уверен, небеса мне его простят, когда увидят, сколько пользы наш проект принесет человечеству. А экипаж... Всевышний не дал мне детей. Но я бы хотел, чтобы кто-то из юношей моей крови участвовал в полете. Это будет большая честь для меня и гордость для моего увядающего рода.

Теон неплохо знал арабов, которым были присущи гордость, чувство принадлежности к роду и готовность его прославить даже ценой немалых жертв. Поэтому он согласился. К тому же четыре миллиарда, обещанные Мади, явно стоили того, чтобы назвать космический камень его именем и взять в экипаж его родственника. Такая сделка действительно была очень удачной.

Получив указания от босса, юристы Орбитал запустили процедуру регистрации двадцати астероидов. Отдельная группа была направлена в штаб-квартиру Pan-STARRS на Гавайи, где располагался открывший UW168 телескоп. Там они встретились с руководителем программы и получили согласие на оформление документов в системе IDP&ELC, подписав при этом кучу бумаг о неразглашении. За эту услугу от имени Теона была открыта линия спонсорского финансирования обсерватории на десять миллионов долларов. Такая сумма для астрономов была запредельной, и они поклялись молчать самым святым, что у них было – своим телескопом.

Начало оформления прав на астероид было положено. Юристы утверждали, что здесь, как и в патентном праве, должно действовать правило приоритета подачи документов. Кто первый подал, тому и принадлежат все права.

С такой подкрепой можно было дальше вести разговор с Витмаром. Вопреки ожиданиям Теона, готовившегося к постоянному прессингу, старый финансист пропал на несколько дней. Этому затишью вскоре нашлось объяснение.

В самый разгар активности по регистрации прав на астероид Теону позвонили из Белого дома и сообщили, что президент готов его принять. Такая формулировка была странной потому, что именно глава президентского аппарата выступил инициатором встречи. Отнеся подобные лексические нюансы на счет путаницы в протокольной службе, Курц загрузился в самолет и к вечеру прибыл в Вашингтон. Переночевал в принадлежащем ему отеле, чтобы утром быть свежим и излучающим оптимизм.

Встреча произошла в овальном кабинете Белого дома ближе к полудню. Утром у президента по стандартному графику было несколько часов медицинских и реабилитационных процедур, во время которых лучшие доктора пытались привести в рабочее состояние его дряхлеющее тело и слабеющий ум. Обычно это у них получалось, и дряблый, рассыпающийся на глазах старик под воздействием стимуляторов и анаболиков на некоторое время оживал и проецировал бодрость и энергию, которая была так нужна уставшей от грязных политических разборок нации.

От встречи с президентом Теон не ожидал ничего кроме фотографии на память. Третьей в его коллекции. Потому что с ним встречался и предыдущий президент, и его предшественник. Хозяева Белого дома старались выглядеть продвинутыми, поддерживающими инновации и прогресс личностями, поэтому фотосессии с такой иконой молодежи, как Курц, входили в их обязательную программу. Но на прошлых встречах кроме общего разговора о том, куда движутся технологии, Теону удалось обсудить и практические вопросы, касающиеся его фирм, которые затем вылились в конкретные налоговые послабления и даже инициировали принятие законов, весьма выгодных для его технологических и очень экологичных компаний.

На какую-либо конкретику во время этого разговора рассчитывать не приходилось. Президент страдал вполне нормальной для столь преклонного возраста легкой затуманенностью сознания, забывал тему разговора, часто путал людей, должности, имена и сбивался, даже когда читал свои речи по бумажке или с сурфера. Но встреча все же будет полезной. Она сыграет на авторитет Теона, подтвердит его национальный статус и еще больше поднимет над итак оставшимися далеко внизу конкурентами.

Предположения Курца оправдались в полной мере. Встреча длилась двадцать минут, из которых первые десять ушли на зачитывание президентом перед камерой заранее подготовленного текста. Америка – родина прогресса. Я за прогресс и новые технологии. Мы всячески будем поддерживать инновации. А твоя, Теон, затея с астероидом вообще докажет всему миру, что мы лучшие и догнать нас Китаю не удастся. Кстати, если бы не поддержка моей Администрации и меня лично, то нихрена бы у тебя, парень, не вышло. И, кстати, помню, я идею про астероид высказывал еще пару лет назад. Но на плагиат я не обижаюсь. Ха-ха. Это была шутка. Работай спокойно на благо страны. Мы тебя поддержим. Да здравствуют инновации и прогресс. Боже, храни Америку!

Следующие десять минут ушли на постановочные съемки. Штатный фотограф под строгим контролем пресс-секретаря и вице-президента сделал несколько снимков с разных ракурсов так, чтобы хозяин Белого дома смотрелся предпочтительнее. Фотки, надо сказать, вышли очень неплохими. Президент выглядел бодро, излучал уверенность и энергию и сверкал своей улыбкой доброго дедушки, открывающей захватывающий вид на новые, пожалуй, излишне белые и сверкающие зубные протезы.

В результате от встречи все получили, что хотели. Гость – пару снимков в рамках, а хозяин – пятиминутный ролик на ведущих каналах о том, какой он прогрессивный и что без него у Теона ничего не выйдет. И вообще, оказывается, идея с астероидом принадлежит президенту.

После того как за Курцом закрылась дверь овального кабинета, к нему подошла вице-президент:

– Рада с вами познакомиться лично, мистер Курц, – приветливо, но с достоинством улыбнулась она. – Признаться, я давно хотела это сделать. Ваши идеи, ваши проекты, ваши компании... Они – как отражение светлого и прекрасного будущего Америки. Новые технологии, инновации, экологичность. Взять хотя бы астероид. На наших глазах вы делаете фантастику реальностью. Это великолепно! Это демонстрирует всему миру, что есть только один бесспорный технологический лидер – США. Кстати, вы не могли бы мне немного подробнее рассказать об этом астероиде. Давайте на несколько минут присядем в гостиной.

Они перешли в малую гостиную и разместились на обитых шелком креслах, стилизованных под викторианскую эпоху. Следовавший за ними фотограф быстро сделал пару снимков и исчез.

– Так, астероид... – вице-президент внимательно посмотрела на Теона. – Вы действительно считаете, что он стоит пять триллионов?

– Не я, – скромно улыбнулся миллиардер. – Это оценка ученых после детальной спектроскопии его поверхности, когда он прошлый раз сближался с Землей. В результате исследований были получены устойчивые сигнатуры никеля, драгоценных и редкоземельных металлов.

– Это замечательно! Это просто замечательно. И как вы планируете все это добывать?

– Вначале мы отправим на перехват астероида космический буксир, который притянет его на орбиту. Ну а затем соорудим на нем космический металлургический завод. Будем плавить руду и доставлять чистый металл на Землю. А может придумаем еще что-нибудь.

– Боже, как интересно! Орбитальная фабрика. Просто фантастика! – вице-президент всплеснула руками, как восхищенная девочка, но глаза ее сузились и впились в Теона. – Однако эти триллионы в золоте и платине... Если они попадут на свободные рынки, то могут нарушить финансовую стабильность.

Курц в ответ невинно улыбнулся. Ему хотелось сказать, что финансовую стабильность нарушит не астероид, а почти двадцать триллионов долларов, напечатанных Федеральным резервом за последние десять лет. Но он благоразумно промолчал и вместо этого ответил домашней заготовкой:

– Ну что вы, мэм. Я полностью осознаю всю глубину ответственности за стабильность финансовых и сырьевых рынков. Поверьте, добыча металлов на орбите и их доставка на Землю – процесс долгий и очень сложный. Он растянется на многие годы. Эти пять триллионов будут поступать в оборот дозированно, небольшими партиями. Так что рынки этого даже не заметят.

– И все же, – в ее взгляде блеснул лучик интереса, как у опытного торговца, упорно идущего к выгодной сделке. – Не считаете ли вы, что в ваш проект стоит привлечь независимых экспертов, которые смогли бы оценить возможные системные риски. При этом вся полнота руководства и право принятия решений, конечно же, останется у вас.

Этого Теон боялся больше всего. Если сейчас вице-президент предложит ему Витмара, то отказаться будет очень сложно.

– Я всегда ценю экспертное мнение, особенно в части системных рисков, и готов обсудить детали, как только проект войдет в фазу практического осуществления. Сейчас он лишь на этапе предварительного планирования, – уклонился от прямого ответа миллиардер и тут же, чтобы внести ясность, спросил: – У вас есть конкретные кандидатуры?

– Есть, – огонек в ее глазах разгорелся чуть сильнее. – В качестве эксперта могла бы выступить я.

– Мэм... – Курц едва сдержал вздох удивления и облегчения. – Для меня будет огромной честью, если вы лично примете участие в проекте в качестве государственного эксперта.

– Но. Вы правы, – она взмахнула рукой, словно отгоняя навязчивую мысль. – Это все дело будущего. А пока... Пока переводите проект в практическую фазу. Если вам понадобится поддержка Белого дома, не сомневайтесь. Сразу звоните мне. Я вас включу в список приоритетных контактов, – давая понять, что встреча окончена, вице-президент поднялась с кресла и протянула ему руку. – Вы очень приятный собеседник, мистер Курц. Вы сразу улавливаете самую суть разговора. Понимаю, почему губернатор Калифорнии считает вас своим другом.

Из Белого дома Теон направился в аэропорт, где его пилоты уже прогревали двигатели. Ему хотелось побыстрее вернуться на западное побережье и переговорить с Богартом. Но он не выдержал и, как только самолет взлетел, набрал его по спутниковой связи. Тот сказал, что занят, и попросил приехать в Санта-Фе в резиденцию. Через несколько часов они уже сидели в кабинете губернатора и смаковали выдержанный виски.

– Итак. Твои впечатления? Как все прошло? – спросил губернатор с хитрым прищуром.
– Лучше, чем ожидалось. Фотосессия с президентом была бесполезной, а вот разговор с вице- – очень даже интересным.

– Ха! Я уже читал в новостях, что это дедушке пришла идея с астероидом. И картинки из овального зала ничего получились. Старик сияет, держится бодрячком. Вице-президент на своем сетевом канале тоже с тобой засветилась. Ты в курсе, что она теперь будет курировать твой орбитальный проект со стороны Администрации?

– Курировать? – удивился Теон.

– Именно. Белый дом готовит директиву, по которой Орбитал будет включена в список фирм, имеющих национальный приоритет. Важный список. Хороший. Что-то вроде государственной крыши для коммерсантов. Туда входят только немногие избранные, те, от кого зависит национальная безопасность, – финансы, фарма, ВПК, производители процессоров и разработчики критического софта. Так что ты будешь в одной компании с банковской империей Витмара.

– Твою мать. Мне не нужны никакие кураторы. Я хочу принимать решения сам, чтобы мне в совете директоров никто не мешал.

– Ты и будешь принимать решения сам. И в совете директоров никого не будет. По этой директиве ты лишь информируешь куратора о статусе проекта и общем состоянии компании. Для этого надо просто скопировать отчеты, которые ты шлешь акционерам и в Комиссию по ценным бумагам. Единственное обязательство – это то, что во время чрезвычайных ситуаций, таких как война или пандемия, ты должен выполнить заказ правительства в приоритетном порядке. Но поверь, если дерьмо влетит в вентилятор, все будут выполнять заказ правительства в приоритетном порядке, без разницы, в списке они или нет. Ковид это очень хорошо продемонстрировал. А вот присутствие в списке дает тебе на правительственном уровне защиту от неблагоприятных факторов, в том числе внешних вроде давления иностранных правительств или конкурентов, и в случае проблемных ситуаций позволяет запросить экстренное финансирование.

– Мне не нужна защита от иностранных конкурентов. Мне нужна защита от Витмара, – не скрывая разочарования, проговорил миллиардер.

– И ты ее получил. Теперь, когда тебя крышует вице-, он не посмеет ставить Орбитал палки в колеса.

– Ты думаешь? Да они ее купят с потрохами и заставят плясать под свою дудку.

– Не все так просто, мой друг, – загадочным тоном проговорил Богарт. – Витмар и его окружение старых финансистов стоят на пути волны новых молодых политиков, сделавших состояния и репутацию на высоких технологиях. Вроде тебя, но в области финансов и Интернета. Эти люди упорно идут к власти. У них есть для этого все: деньги, возможность через сеть манипулировать общественным мнением, поддержка значительной части молодых политиков на местном уровне. Единственное, чего у них недостаточно, это влияния на Белый дом и Конгресс. Там сидят старые пердуны, которые ни в какую не хотят перемен. К тому же эти две поляны очень плотно вытоптал Витмар и компания. Вице-президент – одна из тех, на кого эта новая сила может положиться, но позиции у нее пока еще очень шаткие. В демпартии слишком сильно лобби старых финансистов. Слишком многих они купили, как ты выразился, с потрохами. Но время неумолимо. Старики через пару лет уйдут. Мы даже не знаем, дотянет ли президент до конца срока. Вполне может отойти от дел по состоянию здоровья. Тогда его место займет вице-. И это уже будет для Витмара совсем другой расклад. Мы нахрен вычистим его и компанию из Вашингтона и обеспечим новым прогрессивным политикам полный контроль и управляемость над страной.

– Ты в ее команде? – осторожно спросил Теон. – Ты же называл ее сучкой.

– Сучка она и есть. Как ты хочешь, чтобы я относился к своему прямому конкуренту. Сейчас очевидно, что если ничего не случится, то на следующих выборах победим мы. От демпартии два кандидата в президенты – она и я. У нее шансов явно больше хотя бы потому, что она женщина и цветная. Тогда я стану вице-президентом. Если мне за оставшиеся три года удастся накопать на нее компромат достаточный, чтобы ее рейтинги пошли вниз, а авторитет в партии упал, то мои шансы стать президентом очень сильно вырастут, – губернатор многозначительно посмотрел на миллиардера.

– К чему этот хитрый взгляд?

– К тому, что она повелась на мое предложение стать куратором Орбитал. Это значит она, кто-то из ее команды или аффилированные с ней компании будут крутиться у твоих миллиардов.

– И? – с видом наивного ребенка поднял брови Курц, хотя уже понял, о чем идет речь.

– И наверняка испачкают руки. А лучше всего по уши измажутся в дерьме. Если они сами этого не сделают, то им надо будет помочь. И тогда я уничтожу ее репутацию и стану президентом.

– Круто. Я теперь еще и оказался замешан в мутном политическом раскладе. Я, блин, хочу на Марс, а меня тянут в вашингтонское болото.

– Будет тебе твой Марс. И астероид будет. Можешь хоть всю галактику покорить. Только имей немного терпения и помоги мне стать президентом.

– А Витмар? – Теон вернул губернатора к беспокоящей его теме.

– Можешь считать, что риски с этой стороны минимизированы. Ты теперь под крылом вице-президента. Так что тебя открыто никто не тронет. Ковырять, конечно, будут. Через Комиссию по ценным бумагам или по каналам биржи. Но реального вреда причинить уже они не смогут. Белый дом прикроет. А через три года мы их, нахрен, всех зачистим, и тогда вообще можешь не беспокоиться. Сколько тебе надо времени на строительство буксира?

– Если очень-очень приблизительно, то при теперешнем финансировании и если никто не будет мешать год на подготовку, год на то, чтобы произвести модули на земле. Полгода, чтобы доставить на орбиту, и год на сборку. Потом ходовые испытания. А там как пойдет. Мы можем только предполагать, как в реальном космосе будут работать узлы и системы новой двигательной установки.

– А сколько до астероида лететь? – поинтересовался губернатор.

– Период обращения этого камешка чуть больше двух лет. Мы планируем перехватить его в 25-м году на подлете к орбите Земли. К сожалению, наша планета будет достаточно далеко. Поэтому, по расчетам, до точки контакта надо будет лететь почти месяц. На стабилизацию астероида, его захват и прочие манипуляции тоже понадобится месяц. Ну и назад дней двадцать.

– А почему назад быстрее?

– Земля будет двигаться навстречу и сократит расстояние.

– Ясно. Вот видишь. Ты будешь готов к 25-му году. Если я стану президентом в 24-м, ты в последний год получишь полный зеленый свет.

– А если нет? – хитро прищурился Теон.

– Да ну тебя, – махнул рукой губернатор. – Если нет, то я стану вице-президентом, и ты все равно получишь зеленый свет. Но ты, мой друг, хочешь на Марс. А я хочу в Белый дом. Так что давай друг другу помогать.

– Давай, – миллиардер поднял стакан виски, и они сделали по глотку в знак полного согласия.

* * *

К концу второй недели после приезда Миша наконец приступил к работе. Большая часть нового исследовательского центра Орбитал была сформирована. Руководителем назначили конструктора из Массачусетского технологического института. Его команда работала над про-

ектом буксира по заказу НАСА и почти закончила разработку готовой архитектуры. Для завершения конструкторских работ был необходим окончательный дизайн связки реактор-газотурбинная установка-капельная система охлаждения, которым как раз занимался отдел Когана. Понимая это, Миша старался вовсю. Он проводил на работе по 10-12 часов, по памяти выкладывал своим конструкторам концепции узлов и конкретные технологические решения, а те уже превращали их в чертежи и трехмерные модели.

Работа шла хорошими темпами. В Москве в отделе Когана было больше тридцати конструкторов, к этому числу надо было добавить еще два раза по столько же смежников, разрабатывавших по его заказу конкретные узлы. Всего получалось около сотни. Здесь под его началом было двадцать человек, но их эффективность была в разы выше из-за свободного доступа к мощному суперкомпьютеру. На его базе десяток специализированных нейросетей выполняли сложнейшие расчеты по нагрузкам, материалам, выстраивали и обкатывали модели узлов и элементов конструкции, выдавая результаты с невиданной скоростью. Его людям оставалось только загружать в них задания и исходные данные, а на выходе проверять полученные решения и контролировать общую компоновку.

Такая система работала четко и почти без сбоев. Да и те мелкие срывы, которые случались, происходили в основном из-за того, что суперкомпьютер располагался в киберцентре головного офиса Альфа Спейс в Хоторне, пригороде Лос-Анджелеса. Там же находились и администраторы нейросетей, адаптировавшие и загружавшие в них техзадания. Из-за проблем в коммуникации и неточностях перевода элементов на языки программирования иногда случались досадные зависы. Миша как-то раз упомянул это в еженедельном отчете директору центра. Через пару дней эта рабочая шероховатость была устранена. В его отдел пришел новый сотрудник, программист, специалист по нейросетям и искусственному интеллекту, в задачу которого входило администрирование всех операций с киберцентром.

Звали молодого человека Берни Роджерс. Парень хорошо влился в новую команду и оттянул на себя практически весь кусок технического функционала по загрузке данных в суперкомпьютер и предварительной обработке результатов. После его появления дела пошли еще быстрее, да так, что Миша несколько раз исправлял график работ в сторону ускорения, чем очень радовал и руководителя центра, и Теона. Когда администрирование взаимодействия с киберцентром было отлажено, Берни перешел в проектную группу, работавшую над искусственным интеллектом, которому предстояло стать основным элементом в управлении космическим буксиром.

По концепции конструкторов из МТИ, недавно перекупленных Теоном у НАСА, буксир должен был работать в автоматическом режиме с возможностью переключения на ручное управление. Предполагалось, что он доставит к астероиду несколько модулей, среди которых будут два постоянно обитаемых: жилой на семь человек и рабочий, в котором будет располагаться центр управления и аппаратная база искусственного интеллекта.

Детальная структура миссии была еще в разработке, но уже сейчас довольно четко прорисовывались ее основные фазы. Буксир будет собран на орбите Земли из готовых модулей. Для этого там будет создана орбитальная станция, в которой смогут жить и работать десяток астронавтов. После сборки он пройдет ходовые испытания в околоземном пространстве. Возможно, слетает пару раз к Луне по заказу НАСА. Если испытания пройдут успешно, к нему начнут пристыковывать модули для экспедиции к астероиду.

Из-за того, что следующее сближение UW168 с Землей произойдет только в середине 90-х, его предполагалось перехватить в 2025 в ближайшей точке от орбиты. В это время планета будет в 47 миллионах километров от астероида. По расчетам, буксир преодолеет такое расстояние за 30-35 дней. Подлетев, он должен будет синхронизироваться с астероидом по скорости и направлению и приступить к его стабилизации.

Дело в том, что космический камень размером 320 на 150 метров имел форму неправильной фасолины и вращался по нескольким осям со скоростью один оборот в сорок минут. То есть фактически хаотично кувыркался в пространстве. Чтобы проводить какие-либо дальнейшие действия, вращение нужно остановить. Это предполагалось сделать шестью реактивными двигателями, которые необходимо установить на его поверхности. Сделать это должен экипаж. Остаток энергии двигателей будет потрачен на торможение камня, несущегося в пространстве со скоростью 22 километра в секунду.

После стабилизации UW168 на его поверхности необходимо будет закрепить стыковочный узел. В это время буксир должен зайти сзади по ходу камня и присоединить к закрепленному на нем стыковочному узлу толстый трос из вектрана – уникального и очень дорогого материала, обладающего прочностью, в десятки раз превышающей сталь, и эластичностью жесткой резины. Трос выпускается из отдельного модуля, в котором расположен механизм, напоминающий рыбацкую безынерционную катушку. После связки он мягко пружинит, гасит инерцию, медленно тормозит астероид, а катушка начинает подтягивать к нему буксир. На последнем этапе стыковочные узлы астероида и буксира входят в контакт и блокируются. В результате образуется жесткая сцепка, включаются основные двигатели, и буксир, медленно разгоняясь, тянет камень к Земле. На подлете к планете электрореактивные двигатели переходят в режим реверса и начинают плавное торможение, чтобы вывести его на расчетную орбиту.

На этом этап доставки заканчивается и начинается подготовка к разработке астероида. Как это будет происходить, у Теона были лишь самые общие представления. Но он уже подбирал специалистов, чтобы создать в рамках Орбитал еще один исследовательский центр, задачей которого будет разработка методики добычи ископаемых с UW168.

Все эти сложные действия требовали ювелирной точности. Их невозможно было выполнить без искусственного интеллекта. Для его разработки в рамках исследовательского центра была создана целевая группа, в которую структурно входил Берни Роджерс, хотя на этом этапе основная его нагрузка была в отделе Миши Когана. Парень он был смысленный, с нужным опытом и навыками, с работой справлялся неплохо, с людьми ладил, но в друзья не навязывался.

В Сан-Хосе Берни перебрался из Швейцарии со своей подругой Джейн, которая почти сразу устроилась на работу в крупную логистическую фирму, занимавшуюся перевалкой грузов в порту Сан-Франциско. Из-за плотной загрузки девушка с женами сотрудников центра почти не общалась. Чтобы устранить этот пробел, Миша и Яна в конце недели организовали у себя дома небольшую тусовку с барбекю. Каково же было удивление, когда выяснилось, что Джейн, подруга Берни, русская. Вернее, русская с литовским паспортом, а еще с ливанским и иорданским. Зовут ее Женя Рауде. Девушка долгое время работала в ООН в гуманитарных программах на Ближнем Востоке. Обеспечивала логистику доставки и распределения продуктов питания и медикаментов. Свободно говорила на арабском и трех европейских языках, имела степень по бизнес-администрированию. Последнее время занимала топовую позицию в крупной логистической фирме во Фризоне Дубая. По ее словам, с Берни они знали друг друга давно и уже подумывали осесть где-нибудь и пожениться.

В разговоре Джейн была приятной, казалась простой и незатейливой. В друзья не навязывалась, о себе много не рассказывала, но предложение вступить в «клуб русских жен» приняла, оговорившись, что работает на филиал прежней дубайской логистической компании в Сан-Франциско, поэтому сможет принимать участие в тусовках только по выходным.

Вечеринка у бассейна прошла весело. Ваха прислал своего повара с огромным количеством маринованного мяса и литровой бутылей чачи, поэтому настроение у всех было замечательное. Однако в конце произошло одно досадное событие, испортившее всем настроение. На виллу к Мише в сопровождении полицейских заявили два офицера иммиграционной службы. Они предъявили какой-то ордер, проверили и отсняли у присутствующих документы, прошли по дому и, вручив Когану и Яне повестки в иммиграционное управление, удалились.

Настроение после такого визита было испорчено, и, выпив по прощальному коктейлю, гости разошлись.

На следующее утро Миша с юристом Альфа Спейс, в которой он до сих пор официально числился, сходил в иммиграционную службу, заполнил какие-то формы и подписал бумаги. На этом все закончилось. Вид на жительство и разрешение на работу в Калифорнии у него уже были. Причем документы выдавались по специальному распоряжению губернатора, которое имело даже большую силу, чем федеральная иммиграционная служба. Здесь волноваться было не о чем. Но осадок все-таки остался. Тем более что по этому поводу Мише лично позвонил Теон и долго расспрашивал, как вели себя полицейские во время рейда. А вечером в этот же день к нему домой пришла группа специалистов безопасности Альфы, которая просканировала виллу и территорию на предмет жучков. Ничего не сообщив о результатах обследования, они удалились, оставив хозяев в состоянии полного недоумения.

Позже Гор с видом знатока объяснил, что история с иммиграцией и жучками, скорее всего, связана с конкурентами. Равных Теону по масштабу в Штатах не было, но несколько фирм поменьше космосом все же занимались. Они всячески пытались ставить Альфе палки в колеса и воровать готовые идеи, технологии и людей.

Несмотря на этот инцидент, жизнь у Миши Когана в Сан-Хосе была вполне себе комфортной. Проектирование космического буксира продвигалось успешно. Быт не напрягал, потому что всю работу по дому делала прислуга, а по выходным его скрашивали вечеринки, пикники на природе с новыми друзьями и коллегами и прогулки по морю на арендованных яхтах. К тому же отношения с Яной перешли на новый уровень, и парочка всерьез подумывала оформить их официально. Но американская действительность скоро дала понять, что русский ученый рано расслабился и почувствовал себя в раю.

В один из тихих летних вечеров, когда Миша поздно вернулся с работы и Яночка на террасе у бассейна накрыла романтический ужин со свечами и бутылочкой красного, в дверь виллы кто-то настойчиво зазвонил. Коган вывел на экран смартфона картинку с домофона, но никого не увидел. Он все же встал из-за стола и пошел посмотреть, может почта пришла или прислуга заказала что-нибудь по доставке. У американских курьеров была такая привычка – оставить пакет у двери, позвонить и уехать.

Когда ученый открыл дверь, то увидел лежащего на пороге негра, который руками зажимал живот. От него к остановившейся у подъезда к вилле машине тянулась тонкая струйка кровавого следа.

– Полицию... Вызовите полицию, – простонал раненый, пытаясь боком заползти внутрь.

Пораженный увиденным, Миша на несколько секунд оцепенел и инстинктивно отступил вовнутрь. В это время со стороны проезда послышался визг тормозов, и напротив остановился еще один автомобиль, из которого тут же вывалились четыре негра. Они сразу заметили кровавую дорожку, ведущую к двери виллы, увидели Мишу в открытых дверях и лежащего в дверном проеме беглеца.

– Уф... Ну и горазд ты бегать. Да еще с дыркой в животе, – переведя дыхание, проговорил один из преследователей и махнул своим людям пистолетом с глушителем. Те бросились вперед, втолкали ошеломленного происходящим Когана в дом и следом втоптали раненого.

– Что там за шум? – раздался с террасы голос Яночки.

– О! Бабы. Ночь будет веселая. Быстро взять ее, – приказал толстый негр с пистолетом, который, похоже, был главным. – Пересидим здесь до утра, развлечемся с белоснежкой, а потом возьмем их машину и потемну свалим к себе на район.

Один из бандитов выхватил пистолет и бросился на террасу. Через секунду Яночка сдавленно вскрикнула, послышался шум борьбы, который почти сразу стих. Миша рванул на помощь подруге, но тут же был сбит с ног и получил несколько ударов ногой по ребрам.

– Эй, Ромео. Ты не дергайся. А то и до рассвета не доживешь, – толстяк снова махнул стволом и показал на раненого. – Тащите этого нигера в гостиную. Бабу и задрота тоже. Двери закрыть. Шторы опустить. Ты, – он ткнул в своего подельника, которому на вид было лет 18-19, – потом найдешь ведро и тряпку и смоешь кровь с асфальта.

Пистолеты, наверно, были только у двух старших членов банды, потому что два помоложе рывком поставили на ноги трясущегося от нервного напряжения Мишу и, пару раз больно кольнув ножами в спину, вытолкали в гостиную. Там Когана и Яну бандиты посадили на диван. Раненого бросили на ковер. На него тут же навалился толстяк:

– Где бабло, сука, – он тряхнул его так, что голова сильно ударилась о пол. – Ты мне, падла, должен три штуки баксов за последние две партии шмали, и я их из тебя выбью вместе с дерьмом.

– Пошел ты, – простонал тот и плюнул ему кровью в лицо.

– Ах ты, сука! – толстый в ярости принялся молотить его рукояткой пистолета по голове, пока та не превратилась в кровавое месиво.

– Мулл, ты нахрена его кончил? – спросил второй бандит, что постарше. – Как мы теперь бабло найдем. Нам же с босом рассчитывать. Что мы ему скажем?

– С боссом я сам разберусь, – толстяк пыхтя поднялся с пола, вытер рукоятку пистолета о штаны, поправил глушитель и огляделся. – А тут нехилое гнездышко. Жируют белые свиньи на нашей рабской крови. У них и бабло наверняка есть. Так? – он медленно направил пистолет на сжавшегося от страха Мишу.

– Господа бандиты. Если речь идет о трех тысячах долларов, то думаю... – пролепетал было тот, но его перебила Яна.

– Я вижу, вы реально крутые парни, – вздернув подбородок, с вызовом сказала она. – Давайте заключим сделку. У нас наверху в спальне сейф. Там десять штук наличными. Вы забираете деньги и исчезаете. А на этого, – она кивнула в сторону лежащего в луже крови на ковре, – мы вызовем скорую. Скажем, что приполз к нам под дверь, а мы пытались его откачать и перетасили сюда в гостиную. Они, конечно, вызовут полицию, но, пока то да се, пройдет час. Вы уже будете далеко.

– А ты неглупая, белоснежка, – толстяк подошел к ней и пистолетом поднял подбородок. – Десять штук – это хорошо. Это очень хорошо.

– А еще, – Яна встала, зазывно вильнула бедрами и медленно расстегнула верхнюю пуговицу платья, приоткрыв аппетитную грудь. – Там наверху есть большая кровать.

– Большая кровать? – немного удивленно переспросил толстяк. Было видно, что он не ожидал такого поворота событий и не хотел проявить слабость перед своими подельниками, не приняв вызов белой женщины. – Кровать – это хорошо, – он облизнул губы и медленно провел стволом по Яниной груди. – Ты будешь у меня кричать, как белая свинка. Я покажу тебе, что такое настоящий черный кабан.

– Яна, ты что? – попытался встать с дивана сидящий рядом Миша, но нигер, почти не глядя, наотмашь ударил его тыльной стороной ладони по лицу, и он снова повалился на диван.

– Так! Слушайте сюда, – сказал старший, не спуская глаз с Яны. – Я сейчас иду с этой белой сучкой наверх. Возьму бабки и трахну ее белую задницу, так чтобы она орала на всю округу. Ты, – он качнул головой в сторону стоящего рядом с пистолетом бандита, – держи этого задрота на мушке. Если дернется – дай по морде, но не мочи. Мы еще его поспрашиваем, может в этой шикарной хате есть еще чего ценного. А вы двое, обдолбанные малолетки, заверните труп в ковер. Завтра предъявим боссу и тело, и бабки. Пусть видит, что мы крутые пацаны, а не дешевые фраера из трущоб. Ну, пошли, – он схватил Яну за локоть и подтолкнул к идущей на второй этаж лестнице.

Видя, как его подруга добровольно ложится под толстого, воняющего потом и дешевым одеколоном негра, Миша в бессильной злобе хрипло зарычал и еще раз попытался встать. Но

второй бандит больно ткнул его дулом пистолета в грудь и прижал ногой к дивану. От сознания собственного бессилия на глаза ученому навернулись слезы, он зажмурился и сдавленно застонал.

Сколько времени Коган так просидел, потом он вспомнить не смог. Минуту? Пять? Десять? Его вывел из оцепенения веселый голос Яны, донесшийся сверху: «Мальчики! Кто еще хочет позабавиться с белой сучкой?». Затем характерный хлопок, как будто на пол упала толстая книга. Миша открыл глаза и увидел, как, выронив пистолет, медленно оседает стоявший перед ним бандит. В его остекленевших глазах застыло удивление, а из сквозной, от виска к виску раны, пульсируя короткими толчками, выбивается кровь. Миша повернул голову вправо к лестнице. Там наверху на ступеньках стояла Яна с поднятым пистолетом.

В этот момент один из подростков, которые копошились у тела на полу, понял, что дело плохо, и бросился к выходу. Раздался еще один хлопок, и он с дыркой между лопаток повалился на пол. Второй малолетка, видя, что шансов убежать нет, встал на колени и, шепча что-то нечленораздельное трясущимися от страха губами, поднял руки вверх.

– Не двигайся, – приказала ему Яна. Ступая по-кошачьи мягко, она полубоком сбежала по лестнице, держа парня на мушке. – Сними ремень с брюк и расстегни ширинку, – суровым голосом приказала она.

Взяв у бандита ремень, она зашла сзади и вырубил его коротким ударом ноги в затылок. Бесчувственное тело молодого бандита повалилось вперед. Яна упала на колени, быстро заломила руки ему за спину и скрутила их ремнем. Потом встала и как ни в чем не бывало поправила платье.

– Яна... – судорожно сглотнув, прошептал Коган.

– Что, милый, – она посмотрела на него какими-то странными, почти чужими глазами.

– Ты их убила.

– Да, – просто сказала она, подошла и села рядом с ним на диван. – Если бы я этого не сделала, то они бы убили нас. Это точно.

– А где тот, что пошел с тобой наверх?

– Отдыхает.

– Он ведь может сюда...

– Не может. У него из глаза торчат ножницы.

– Надо вызвать полицию, – Коган облизнул пересохшие от стресса губы и посмотрел на лежащий на столе смарт.

– Нет. Ты помнишь, что говорил на инструктаже шеф по безопасности твоего исследовательского центра. Если что-то случится, вызывать надо не полицию, а их. И не по телефону, а тревожной кнопкой. Ты сиди тут. Я все сделаю сама.

Исследовательский комплекс Альфы находился минутах в пятнадцати езды от виллы. Там постоянно дежурила оперативная группа службы безопасности. Время было беспокойное. Криминальная обстановка в Америке и, в частности, на западном и восточном побережьях становилась все сложнее. Причиной тому было обнищание населения, наплыв мигрантов и беспредел черных, считавших, что им теперь все должны. Ограбления, угоны, кражи, наркота и проституция считались в полицейских отчетах обыденной мелочью. На их расследование не хватало ни сил, ни средств, потому что люди были заняты разработкой вещей посерьезнее: убийств, похищений с целью выкупа, множась со страшной скоростью организованными бандами и нелегальным оборотом оружия, который делал весь перечисленный криминал еще более опасным.

За последние пару лет участились инциденты с проникновением на территорию предприятий и исследовательских центров Альфы и нападением на персонал. Поэтому Акоста порекомендовал создать подразделения оперативного реагирования в рамках служб безопасности предприятий. Чтобы сократить время на подбор и подготовку людей, Теон купил небольшую

частную охранную компанию с хорошей репутацией и лицензией на применение оружия и детективную деятельность. Теперь полноценные тактические группы хорошо подготовленных бойцов с боевым опытом несли дежурство на каждом серьезном объекте его империи. Была такая и в исследовательском центре в Сан-Хосе. Она как раз и среагировала на сигнал тревоги, поданный Яной.

Через десять минут после того, как Яна нажала тревожную кнопку, дверь в виллу открылась и чей-то голос снаружи громко и отчетливо проговорил:

– Мистер Коган! Это служба безопасности центра. Оставайтесь на месте. Сохраняйте спокойствие. Не предпринимайте никаких действий. Мы заходим через три..., две..., одну...

Миша вздрогнул и обернулся на шум, раздавшийся со второго этажа. Одновременно с ним со стороны кухни из-за шторы, прикрывающей выход на террасу, и у входной двери появились бойцы в джинсах и легких рубашках, поверх которых были надеты бронежилеты с тактическим обвесом. В руках у них были укороченные автоматы с глушителями и лазерными прицелами.

– Чисто. Чисто. Чисто, – эхом повторили они друг за другом.

– Чисто, – раздалось со стороны второго этажа, и на лестнице появился еще один оперативник.

После этой своеобразной переключки в открытую дверь вошел старший группы в легком бронежилете с яркой надписью «SECURITY». Он быстро осмотрелся, пнул ботинком пришедшего в себя молодого бандита, которого связала ремнем Яна, и недовольно покачал головой.

– Мистер Коган и вы, мисс Яна. У нас очень мало времени. За пять минут вы мне должны рассказать, что здесь произошло.

– Понимаете, – вытерев о штаны вспотевшие от волнения ладони, начал Миша. – Мы с Яночкой сели ужинать у бассейна на террасе. Потом звонок в дверь. Потом человек весь в крови. Потом... Потом...

– Давай я попробую, – Яна взяла руку ученого в свои ладони и, стараясь успокоить, легонько погладила.

За три минуты она в деталях кратко и четко, не упуская важных подробностей, сумела рассказать о нападении бандитов. Все это время старший группы внимательно рассматривал девушку, иногда медленно кивал головой. Когда Яна закончила, он включил закрепленный на шее ларингофон, отошел в дальний угол гостиной и несколько минут тихо с кем-то общался. Затем вернулся к ожидавшей его на диване парочке и серьезным тоном сказал:

– Мисс. Вы убили трех человек. Это была самооборона. Вполне возможно, эту версию удастся доказать в суде. Но эти четыре ублюдка черные, что значительно осложняет дело. В любом случае вас обоих задержат, будет долгое следствие и не менее долгий процесс. Все это получит огласку и может превратиться в скандал, который навредит репутации Альфы и лично Теону. К тому же все это время мистер Коган не сможет работать над критически важным для компании проектом. Я хочу задать вам, мисс Яна, и вам, мистер Коган, один вопрос. Вы хотите избежать неприятностей?

– Конечно, – энергично закивал головой Миша.

– Что нам надо делать? – спросила Яна, глядя в глаза оперативнику.

– Вам надо сесть в автомобиль и уехать. Через несколько минут я покажу маршрут, по которому вас не засекут камеры, а значит невозможно будет определить время, когда вы проехали. Я также укажу вам конечную точку, где вы остановитесь, и дам информацию для следствия – временные промежутки, когда вы выехали из дома, каким маршрутом ехали и что делали все это время. Все это, – он сделал жест рукой, – случилось без вас. Вас не было дома. Понимаете? Сюда вломились бандиты. Сработала сигнализация. Мы приехали на вызов и положили всех нигеров, потому что те первыми открыли огонь.

– А этот? – спросил Яна, показав глазами на замершего на полу связанного парня.

– Я сказал всех, – чуть прищурившись, повторил старший. – Потом мы вызовем полицию. Она и сообщит вам о нападении. Домой вы вернетесь только после звонка из полиции. Не раньше. Вы изобразите шок, непонимание, испуг, потому что здесь будут следы перестрелки. Можете изображать все, что угодно, но должны повторять одно – вы понятия не имеете, что здесь произошло. Этим людей видите впервые. И нас тоже. Как только мистер Коган вернулся с работы, вы сели в машину и поехали на пикник. Больше никаких комментариев. Вы ничего не видели, ничего не слышали, ничего не знаете. Завтра вас вызовут в полицию на допрос к следователю. С вами будет находиться адвокат. Он еще раз проинструктирует. Но все равно – шок, поехали на пикник, ничего не видели, ничего не знаем. Понятно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.